

«Подаренная победа»: взятие Гривицкого редута № 1 под Плевной 30 августа 1877 г.*

Каждый год отдаляет от нас события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., последней победоносной войны Российской империи, которая существенно изменила политическую карту Балканского полуострова, поскольку появились новые независимые государства, в том числе и Румыния. В начале Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. политические круги Княжества, объявляя о сохранении нейтралитета, рассчитывали на то, что Порта оценит роль вассальной от нее Румынии как «барьера» «на пути волны нашествия России против Турции» и признает ее независимость. Провозглашение новой турецкой конституции 1876 г., в которой Румыния по-прежнему объявлялась «привилегированной провинцией Османской империи», а также поддержка западными державами статус-кво Турции заставили румынское правительство 4 (16) апреля пойти на подписание двух русско-румынских конвенций, военной и политической. Румыния давала согласие на проход русских войск через ее территорию, Россия обязывалась уважать и соблюдать политические права румынского государства и защищать его неприкосновенность. Военная конвенция предусматривала условия перехода русских войск по румынской территории. Россия оказала Румынии помощь оружием, транспортными средствами и займами в размере 2 млн руб. 9 (21) мая румынский парламент, констатируя состояние войны с Портой, провозгласил государственную независимость¹, которая еще должна была быть признана на международной арене.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

Русская армия, совершив блестящую операцию по переправе через Дунай у г. Систово (ныне Свиштов) в ночь на 15 июня* быстро продвигалась по Придунайской Болгарии и овладела Тырново, Шипкой, Никоподем, встала на позициях у Рущука (ныне Русе). Но надолго остановилась у Плевны (ныне Плевен), поскольку Осман-паша, пришедший из Видина с войском, смог отразить штурмы русских отрядов 8 и 18 июля. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился к румынскому князю Карлу, чтобы тот подошел со своими войсками к Плевне для участия в намечавшемся очередном штурме. В августе три румынские дивизии переправились через Дунай.

16 августа Александр II тепло принял румынского князя, а на следующий день приказом великого князя Николая Николаевича Карл был назначен командующим Западным отрядом² — чтобы удовлетворить «все партии румын»³ и их честолюбие (при этом непосредственное руководство румынскими войсками было поручено генералу А. Чернату). Генерал-лейтенант П.Д. Зотов получил должность начальника штаба Западного отряда. Граф Н.П. Игнатьев писал, что князю хотелось самому командовать румынскими войсками и чтобы отряд Зотова был ему подчинен, соглашаясь взамен быть под командой Николая Николаевича, как только он сам примет начальство над войсками, сосредоточенными под Плевной. «Удивленная Россия узнаёт, — продолжал Игнатьев, — что после потерпленных неудач (легче было бы после успеха) два русских корпуса (IX и IV армейские корпуса. — М. Ф.) подчинены принцу Гогенцоллернскому, бывшему поручику прусскому, который взял к себе советником и помощником полковника Гальяра — французского военного агента. Два иностранца, на нашей службе не находящиеся, будут посылать на смерть доблестных русских людей»⁴. Военный министр России Д.А. Милютин прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Начальство над значительной частью армии и на важнейшем стратегическом пункте возлагается на иностранного принца, вовсе неопытного в военном деле (не знающего ничего в военном деле), окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Слани-

* Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

чану, желающими разыграть исторические роли! В довершение странности князю Карлу придан негласным ментором французский военный агент — полковник Гальяр»⁵.

В русских войсках у Плевны находилось около 46500 штыков, 5600 сабель при 316 орудиях. В румынских войсках состояло около 29000 штыков, 3000 сабель и 108 орудий. Всего в Западном отряде было 75500 штыков, 8600 сабель при 424 орудиях⁶.

Однако сражение за Плевну (30–31 августа) окончилось неудачей. Вновь были повторены прежние ошибки, допущенные при двух попытках овладеть Плевной (в частности, неправильный выбор направления главного удара обусловил атаку Плевны с трех наиболее укрепленных сторон*), и совершены новые. обстоятельный разбор и обоснованная, хотя и жесткая, критика диспозиции, распоряжений генерал-лейтенанта Зотова, ход сражений 30–31 августа представлен в трудах русских военных историков А. Н. Куропаткина, П. А. Гейсмана, П. Д. Паренсова и др.⁷ В марксистской историографии (П. К. Фортунатов, Н. И. Беляев, И. И. Ростунов и др.), более лаконичной в изложении хода сражения 30–31 августа, вынесен не менее строгий приговор полководческим талантам русского высшего командования и перечислены его просчеты.

Битва за Плевну за отсутствием координации действий распалась на три отдельные сражения. Лобовая атака на центр турецких позиций была отбита. На правом фланге был взят Гривицкий редут № 1, а захваченные войсками Скобелева редуты на Зеленых горах пришлось отдать туркам, которые 31 августа обрушили крупные силы на русских воинов, не получивших от своего командования ни резервов, ни элементарной поддержки.

* Укрепления Плевны представляли собой следующее: с северной стороны на высоте д. Опанец находилась группа редутов и люнетов (открытое полевое укрепление с одним или двумя фасадами и двумя фланками), далее по гребню высот между Гривицким и Буковльским ручьями тянулась траншея, оканчивающаяся двумя редутами — Гривицким № 1 и Гривицким № 2; с восточной стороны турецкие укрепления были расположены не на командующих высотах между с. Гривицей и с. Радишевым, а версты на две ближе к городу, между Гривицким и Тученицким оврагами; они состояли из двух линий редутов и люнетов, связанных траншеями. С южной стороны участок между Тученицким оврагом и с. Кришин был укреплен редутами. Всё же остальное пространство до реки Вид было открыто. С западной стороны был построен лишь один люнет для обороны моста через Вид на Софийском шоссе. См.: Мартынов Е. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: изд. В. Березовский, 1900. С. 27.

Третье сражение за Плевну и участие в нем румынской армии наиболее основательно и полно были представлены в 5-м томе 12-томного «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове...» (СПб., 1903), в котором почти дословно цитировался переведенный на русский язык труд румынского подполковника резерва Т. Вакареску (Т.К. Вэкрэску). Это сочинение в немецком переводе также привлекал и военный историк П.Д. Паренсов для своего не менее обстоятельного разбора действий румын и русских. Высоко оценивая книгу Вакареску, Паренсов отметил, что ее автор, «очень интересный во многом и о многом хорошо осведомленный, по-видимому, не принадлежал ни к строю, ни к штабу, а был скорее в свите какого-нибудь высокого начальника»⁸. Следовательно, Паренсов не знал, что Вакареску был адъютантом князя Карла (во время войны русскому офицеру не довелось познакомиться с румынским). Паренсов опирался еще на одну многотомную монографию, написанную, как он подчеркивал, «с большим знанием дела». Ее автор, скрывший свое имя под псевдонимом «Тактик», но отметивший, что являлся автором многочисленных трудов по военной истории, использовал официальные материалы, опубликованные правительствами России и Турции⁹.

К сожалению, нам недоступны исследования и источники на румынском языке из-за его незнания, но этот пробел вполне заполняют книга Т. Вакареску в русском переводе и монография болгарского историка Г. Барболова¹⁰, который пользовался опубликованными документами и литературой, появившимися в румынской, болгарской и российской историографии. Статьи других болгарских и советских исследователей, к сожалению, весьма лаконичны: в них лишь отражается как данность взятие Гривицкого редута № 1. Видение событий 1877–1878 гг. румынской стороной представлено в работах, написанных коллективами румынских ученых и переведенных на русский язык, «Румыния в войне за независимость, 1877–1878» (Бухарест, 1983) и «История Румынии» (М., 2005). Следует отметить, что авторы первой активно использовали упомянутый труд Вакареску.

В историографии более распространено утверждение, что редут был взят совместными (соединенными) усилиями союзных

войск, при этом историки-марксисты рассматривали участие румын в войне в свете русско-румынского боевого содружества¹¹. Военный историк А. Н. Куропаткин (во время войны начальник штаба 16-й пехотной дивизии) считал, что редут был взят при решающем содействии 17-го пехотного Архангелогородского и 18-го пехотного Вологодского полков¹². В труде «История русской армии» военный историк А. А. Керсновский констатировал, что Гривицкий редут «взяли архангелогородцы и вологодцы, захватив знамя и три орудия»¹³. О румынах автор вспоминал, когда приводил потери сторон.

Впрочем, существует и иная точка зрения: румыны при поддержке русских овладели Гривицким редутом № 1¹⁴. В «Истории Румынии» (М., 2005) подчеркивается решающий вклад именно румынских войск в захвате редута¹⁵. Дж. Г. В. Кроу, автор краткой статьи «Плевна» в Британской энциклопедии «Британника», заявлял, что «румыны заняли один Гривицкий редут», не упоминая русские полки¹⁶. Румынский историк Д. Бериндей* утверждал, что с четвертой попытки батальоны 4-й румынской дивизии захватили Гривицкий редут¹⁷. Болгарский историк В. Трайков, опираясь на труды румынских коллег, заявлял, что «после тяжелых сражений румынам удалось овладеть Гривицей 1, показывая мужество и боевую храбрость»¹⁸. Коллектив авторов монографии «Румыния в войне за независимость», хотя и отмечает, что редут был взят румынами при поддержке русских, но в заключении, после краткого обзора действий русских войск в тот день на всех участках штурма и при подведении итогов третьего сражения за Плевну, подчеркивает, что «единственным успехом был успех, достигнутый румынскими войсками — захват Гривицкого редута № 1»¹⁹.

Выявление новых фактов при тщательном штудировании мемуаров участников и очевидцев сражения за Гривицкий редут,

* Любопытно, как менялось мнение румынского историка Д. Бериндея. Для юбилейного болгарского сборника «Освобождение на България. 1878–1968» (София: Изд-во на БАН, 1970) он пишет, что атака батальонов 4-й румынской дивизии и одной русской части увенчалась успехом. А в книге, посвященной истории румынской армии и изданной на французском языке [Berindei D. La guerre d'indépendance de la Roumanie (1877–1878). Pages de l'histoire de l'armée roumaine. București: Editura academei Republicii Socialiste România, Editura militară a ministerului apărării naționale, 1976], Бериндей русских и не вспоминает (даже и в некой неопределенной позиции — «одна русская часть»).

а также официальных документов, опубликованных в известном многотомном «Сборнике материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», позволяет взглянуть на события, связанные с овладением этого редута 30 августа 1877 г., с иного ракурса.

Обратимся теперь к тем напряженным дням русско-турецкой войны. К утру 25 августа румынская армия (3-я и 4-я дивизии — всего 42 батальона, 30 эскадронов и 108 орудий) расположилась на правом фланге Западного отряда²⁰. Согласно диспозиции, подписанной князем Карлом, 4-я дивизия полковника А. Ангелеску выступила из Вырбицы к д. Гривица кружным путем, чтобы скрыть свое движение от турок, но заблудилась и только к утру 26 августа прибыла в назначенное место. 26 августа 36 румынских орудий, установленных к северо-востоку от Гривицы, открыли огонь по турецким укреплениям с расстояния от 1000–1300 сажен*. На правом фланге вели обстрел по редуту неприятеля еще шесть русских 9-фунтовых батарей 5-й и 31-й артиллерийских бригад — 48 орудий и 20 осадных орудий²¹.

«На месте главного штаба** румыны и русские обменивались комплиментами: “Ваша батарея удивительно метко стреляет”. Румыны самодовольно улыбались, отдавая честь. Князь Карл был в восторге»²², — рассказывал о впечатлениях первого дня артиллерийского обстрела корреспондент Н.В. Максимов.

Однако 27 августа батареи 4-й румынской дивизии, еще более приблизившиеся к Гривицкому редуту, не участвовали в бомбардировке редута, а две ближайшие к туркам даже отступили из-за сильного ружейного огня, направленного против них из передовой турецкой траншеи, находившейся на расстоянии около 500 сажен к востоку от Гривицких редутов. В 13 часов по приказу князя Карла эта траншея была очищена от турок и ее заняли передовые посты 4-й дивизии. В этом первом и успеш-

* 1 сажень = 7 английских футов, то есть 213,36 см.

** На горе, которую окрестили Царским курганом, горкой или валом. С нее открывался прекрасный вид на Плевну, и сюда приезжали император со свитой, главнокомандующий со штабом, князь Карл со своей свитой, корреспонденты и др.

ном бою румыны потеряли 16 человек убитыми и 113 ранеными²³. Военный министр России Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Вчера румынские войска дебютировали на военном поприще удачным движением вперед и занятием позиции ближе к неприятельским укреплениям». Император Александр II послал флигель-адъютанта «благодарить румынские войска и отвезти несколько солдатских крестов военного ордена»²⁴. «48* знаков св. Георгия», — уточнил адъютант главнокомандующего полковник Д. А. Скалон в своих воспоминаниях и добавил: А «за завтраком пил за здоровье их армии»²⁵.

27 августа главнокомандующий ездил осматривать главный резерв войск: пехотную бригаду, два кавалерийских полка и два румынских пехотных полка. Узнав, как здороваются в румынской армии с солдатами, он поздоровался с ними. Они «славно ответили и своим наружным видом приятно поразили нас: народ рослый, здоровый, разве немного худ». Князь Карл пояснил это тем, что «они держат посты и ни за что не желают отстать от своего обычая»²⁶, — записал Скалон. Граф Н. П. Игнатъев, также сопровождавший великого князя в этой поездке, подтверждал, что румыны «очень представительны, хорошо одеты, высокий и красивый народ, по крайней мере, в тех частях, которые нам были показаны». И добавил, что командующий кавалерией на Софийском шоссе генерал-майор Ю. А. Лашкарев при этом жаловался, что регулярная румынская кавалерия (рошиоры. — *М. Ф.*) «(хуже каларашей** местных) удирает весьма скоро и не выдерживает гранат»²⁷.

28 августа продолжали действовать 11 батарей румынской артиллерии (а всего 66 орудий)²⁸. На одной из них волею случая

* В издании «Румыния в войне за независимость» указано, что румынским войскам было вручено 50 орденов св. Георгия // Румыния в войне за независимость. С. 167.

** Постоянные румынские войска состояли из восьми пехотных линейных полков двухбатальонного состава (по четыре роты в каждом), четырех батальонов егерей (стрелков), двух четырехэскадронных гусарских полков (рошиоры), трех эскадронов каларашей (конница в территориальной армии), четырех полков артиллерии шестибатарейного состава по шести орудий в батарее, инженерного батальона (четыре роты), санитарного и хозяйственного обоза. Доробанцы — румынская пехота, солдаты, отбывавшие воинскую повинность в территориальной армии в течение 6 лет. Рошиоры — элитные кавалерийские части румынской армии, регулярная легкая кавалерия, напоминающая гусар. Каларашы — территориальные кавалерийские формирования Румынии.

целый день провел майор А.В. Квитка*, который был прикомандирован к 34-му Донскому казачьему полку. Разыскивая свой полк, накануне он вошел в д. Гривица, где переночевал. Утром он направился в ту сторону, откуда вечером слышались выстрелы, так как хозяин-болгарин, у которого он останавливался на ночь, указал, что именно там были «москов-аскер» (т.е. русские солдаты). Однако, взобравшись на вершину кургана, русский офицер увидел недалеко желтую высокую насыпь укрепления, а за ней головы в фесках. Турки погнались за майором, и от неминуемого плена или смерти его спасли румыны-доробанцы: из траншей, расположенных рядом с батареей, они наблюдали за злоключениями офицера и в критический момент, спустившись в овраг, выстрелами остановили погоню. Майор Квитка познакомился с командиром румынской батареи майором Фалькьяну, который руководил огнем двух дальнобойных орудий, выдвинутых в ту ночь «на расстоянии 800 м от грозного Абдул-Керима**», так называемого Гривицкого редута, о который разбивались наши штурмующие колонны 8 и 18 июля». Здесь находились еще четыре офицера и 30 нижних чинов артиллеристов, а также начальник пехотного прикрытия капитан Прунко. Офицеры говорили по-французски. Они радушно отнеслись к неожиданному русскому гостю и накормили его.

Квитка представил в своих воспоминаниях портреты румынских офицеров: «Фалькьяну брюнет, лет 35. Его умные глаза глядели приветливо, он был покоен, говорил мало, но дельно и уверенно. Совсем иной тип представлял Прунко, небольшого роста, коренастый, седой старик, выдавший немало: он был в Мексике с Максимилианом***, дрался в рядах гарибальдийцев и в герильясах Дон Карлоса**** в Испании. Грудь его была украшена множе-

* Квитка Андрей Валерианович [1850–1922(?)], закончив Пажеский корпус, в 1868 г. поступил корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1874 г. штабс-ротмистр Квитка был назначен личным адъютантом к командующему войсками Харьковского военного округа с зачислением по армейской кавалерии майором.

** Квитка ошибся — Гривицкий редут № 1 турки никогда не называли Абдул-Керимом. Они его обозначали № 8 или Канлы-табия.

*** Максимилиан I, Фердинанд Максимилиан Иосиф фон Габсбург (1832–1867) — эрцгерцог австрийский, провозглашенный императором Мексики в 1864 г. и расстрелянный в 1867 г. победившими республиканцами в ходе 61-дневной обороны последнего императора Мексики.

**** Герильясы (гверильясы) — испанские народные партизаны. Дон Карлос Младший (1848–1909) — испанский инфант из династии Бурбонов, герцог Мадридский,

ством разнообразных орденов и медалей. Болтал он без умолку, рассказывал о своих довольно фантастических похождениях и частенько прикладывался к объемистой фляжке»²⁹. Другие румынские офицеры не вызвали в Квитке симпатии: они, «как и все румыны, при постороннем не могли воздержаться от пустого самохвальства». «Вскоре налетел на нас свинцовый ураган, который зажал и губы», — писал он. Турки начали интенсивно обстреливать батарею, которая так смело выдвинулась вперед. Один из офицеров заметил, что тут оставаться невозможно, что нужно откатить и увезти чудом уцелевшие орудия. «Батарея будет защищать себя сама, — ответил Фалькояну, — а я умру при своих орудиях, но отсюда не отойду ни на шаг». Прунко ушел, офицеры и нижние чины пали духом. Квитка, поначалу думавший продолжать поиски своего полка, посчитал неудобным покинуть батарею в такую минуту. Фалькояну несколько раз послал полковнику Ангелеску донесения о бедственном положении батареи, оставшейся без прикрытия, без зарядов и без лошадей для отвода орудий. К 14 часам был получен ответ от Ангелеску: «Activez le feu!» (Усильте огонь!), и «только к трем часам дня на руках поднесли заряды, и молчавшие уже более двух часов пушки снова заговорили». Русские и румынские орудия были сосредоточены на артиллерийском обстреле Гривицкого редута № 1, откуда в 17 час., как заметил майор Квитка, стали спускать пушки и уходить колонны неприятеля к укрепленному лагерю. Русский офицер предложил удостовериться, действительно ли редут опустел. На разведку с ним отправились еще восемь человек. Квитка первым взобрался на замолкшее укрепление. «Ура!» — радостно крикнул он и махнул винтовкой. Его крик подхватили румыны, но тут за бруствером появились турки, при первых их выстрелах румыны побежали назад, и Квитка последовал за ними. В лощине маленький отряд встретил русскую роту стрелков, которая, дождавшись его, повернула обратно. На позициях перестрелка и бомбардировка стихли. Квитка простился с майором Фалькояну, искренне пожелав ему дальнейшего успеха. «В немного часов, проведенных с ним под огнем, я не мог

претендент на испанский и французский троны под именем *Карла VII*. Три восстания (1869, 1870, 1872 гг.), поднятые в его пользу, окончились неудачно.

не оценить высоких качеств его души»³⁰, — вспоминал русский офицер. Впоследствии, во время блокады Плевны, Квитка заходил в гости к майору Фалькояну, землянка которого на передовой линии была так хорошо устроена и убрана, что казалась русскому офицеру почти роскошным помещением. Майор сетовал, что из-за плохих отношений с командиром дивизии Ангелеску его единственного из офицеров всей батареи не представили к награде русским орденом³¹.

После четырехдневного артиллерийского обстрела укреплений Плевны военный совет, собравшийся 29 августа, решил их штурмовать, так как главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был уверен, что «значение именно этого дня, торжественно справлявшегося во всей России, — 30 августа, именины государя императора, — поможет войскам преодолеть преграды и добиться цели — овладеть редутами. В таком именно смысле отнеслись к своим частям командующие генералы и предлагали им порадовать государя, подарить ему Плевну»³², — сообщал художник В.В. Верещагин, во время войны причисленный к составу адъютантов главнокомандующего Дунайской армией. В марксистской историографии, не признававшей «монархической» связи между народом и царем, приурочение штурма Плевны к именинам Александра II преподносилось как примитивное и подхалимское «желание во что бы то ни стало угодить императору»³³ или «выслужиться перед царем»³⁴.

Согласно диспозиции по Западному отряду на 30 августа, румынской армии предстояло атаковать Гривицкий редут. «Для действия этой атаке должна быть выдвинута» 1-я бригада 5-й пехотной дивизии IX армейского корпуса [командир генерал-майор Н.П. Родионов (1825–1897)] «с двумя 4-фунтовыми батареями от Гривицы с тем, чтобы прикрыть левый фланг румынской армии от всяких попыток неприятельских резервов. Два батальона этой бригады должны атаковать совместно с румынами северное укрепление с юго-западной стороны его»³⁵. В румынской армии имелось 42 батальона (по 600 чел. в батальоне) при 17 батареях, в 1-й бригаде 5-й пехотной дивизии, состоявшей из 17-го пехотного Архангелогородского полка и 18-го пехотного Вологодского полка, — 6 батальонов по 800 чел. в каждом, а всего примерно

30 тыс. чел.³⁶. Правда, для штурма Гривицкого редута румынский генерал А. Чернат выделил только 11 батальонов из 42³⁷. Генерал-лейтенант барон Н.П. Криденер (1811–1891), начальник IX корпуса, на основании диспозиции сделал необходимые распоряжения по войскам своего корпуса, в частности, предписал «двум батальонам Архангелогородского полка атаковать редут с юго-запада, а остальным четырем батальонам — прикрывать левый фланг атакующих от обхода турецкими резервами»³⁸.

В исследовании о русско-турецкой войне под редакцией генерал-майора С.П. Зыкова (СПб., 1881) отмечалось, что распоряжения относительно штурма Гривицкого редута были сделаны союзным командованием «с таким расчетом, чтобы наибольшая часть труда, а, следовательно, и чести, пришлось на долю румынских войск: румыны должны были атаковать, русские — только поддерживать их. Но вышло как раз наоборот»³⁹. Важно подчеркнуть, что, как правило, в исследованиях игнорируется это чрезвычайно важное обстоятельство, и диспозиция на 30 августа толкуется в том смысле, что румыны должны были атаковать Гривицкий редут с северо-востока, а с юга — вся 1-я бригада 5-й дивизии IX корпуса с двумя батареями⁴⁰.

Румынские войска подчинялись генералу Чернату, а у русской бригады, назначенной содействовать румынам, был свой командир — генерал-лейтенант барон Криденер. «Князь Карл, хотя и находился ближе к расположению своей 4-й дивизии, но, командуя всем Западным отрядом, скорее присутствовал на правом фланге, а не командовал им»⁴¹, — отмечал Паренсов. Командный пункт румынской армии размещался около главного резерва, на господствующей высоте у начала долины Буковлыка, откуда хорошо просматривался весь фронт действий 3-й и 4-й дивизий⁴², участвовавших в атаке.

Следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство: «в высшей степени пересеченная местность», искусно используемая турками, скрывала расположение Гривицких редутов настолько, что с юга и востока был виден только редут № 1 (Канлы-табия), а с севера — редут № 2 (Баш-табия), да и то при подходе к нему на близкое расстояние. Оба редута были соединены траншеей в 400 шагов. Вследствие этого в штабе Западного

отряда полагали, что против с. Гривица находится один редут, который в диспозиции был назван «северным укреплением»⁴³. Румынское командование, производя в течение четырех дней рекогносцировки, получило о нем такое же представление, что и русское⁴⁴. И только в ходе сражения было сделано «неприятное открытие».

В начале XX в. Паренсов, скрупулезно исследуя сражение за Плевну, из обстоятельно написанного «Журнала» IX армейского корпуса выяснил, что уже ко второй Плевне, к 18 июля, оба турецких редута «сильной профили» были построены, и Архангелогородский и Вологодский полки атаковали их под руководством генерал-лейтенанта Ю.И. Шильдер-Шульднера (1816–1878), командира 5-й пехотной дивизии. «Разъяснение этого вопроса», почему о существовании второго редута командование Западного отряда не знало, «тонет в тумане 30 августа, которое покрывает многое из прошедшего вокруг Плевны в эти ужасные дни»⁴⁵, — писал Паренсов, так и не нашедший объяснения этому роковому обстоятельству.

30 августа штурм начался в 15 час. Первая колонна 3-й румынской дивизии, преодолев несколько высот, овладела траншеями и только тогда обнаружила, что перед ней не один, а два редута. Колонна 3-й дивизии очутилась перед редутом № 2, а колонна 4-й дивизии шла брать редут № 1. Начальник 1-й колонны 3-й дивизии (четыре батальона) полковник Ипатеску (Ипэтеску) возглавил атаку, но попытки взобраться на бруствер были отбиты с потерями в 1200 чел. Румыны отступили⁴⁶. Авторы труда «Румыния в войне за независимость» и болгарский историк Г. Барболов приводят совершенно иные цифры: за 40-минутный бой румыны потеряли 26 офицеров и 683 низших чинов убитыми и ранеными⁴⁷. Зыков отмечал, что «румыны действительно были встречены таким градом пуль, которого румынские войска, видевшие в первый раз боевой огонь, не выдержали, смутились и начали отступать в порядке, а потом в разброде и, наконец, бегом, оставляя по дороге груды раненых и убитых»⁴⁸. Это пространство перед редутом впоследствии получило название «Долины слез» или «Кровавой долины»⁴⁹. Вторая колонна 3-й дивизии (три батальона) полковника Граммона (А. Грамонта) «заблуди-

лась в тумане и пользы не принесла»⁵⁰. В румынской историографии высказывалось мнение, что если бы колонна Граммона и второй эшелон полковника Ипатеску предприняли новую атаку, то турки не выдержали бы и уступили редут⁵¹. Понеся потери и не получив подкреплений, 3-я румынская дивизия дальнейшего участия в бое не принимала.

Колонна 4-й дивизии под начальством командира 1-й бригады полковника Г. Баронеску (Г. Борэнеску) атаковала Гривицкий редут № 1 с востока, но также была вынуждена отойти с большими потерями за ту высоту, откуда начиналась атака. Начальник 4-й дивизии полковник Ангелеску послал князю Карлу донесение о ходе боя и просил поспешить с введением в дело войск, которые должны были атаковать редут с флангов. Карл, который со своего наблюдательного пункта у Гривицы мог видеть только редут № 1, а следовательно, только атаку 4-й дивизии, послал соответствующее приказание начальнику 3-й румынской дивизии и командиру русского IX корпуса. Генерал Чернат, лично наблюдавший за атакой 3-й дивизии, ответил, что эта дивизия уже произвела атаку и не может быть вторично введена в дело. Считая положение правого фланга после отступления 3-й дивизии опасным, генерал Чернат распорядился придвинуть ближе к этому флангу 14 батальонов резервной дивизии полковника Черкеза на тот случай, если бы противник перешел в наступление со стороны укреплений северного фронта⁵².

Паренсов удивлялся такому решению румынского генерала: в штурме участвовали только четыре батальона, в резерве находились 14 свежих батальонов и еще одна резервная дивизия полковника Черкеза в 14 батальонов. Кроме того, генерал Чернат считал, что «войска, раз введенные в бой, не могут его повторить». «На Зеленых горах было иначе»⁵³, — прокомментировал Паренсов, имея в виду действия русских войск под командованием генерал-майора М. Д. Скобелева.

Полковник А. И. Липинский, бывший командир 35-го пехотного Брянского полка, назначенный начальником штаба IX армейского корпуса, прибыл с Шипки к Плевне, к Царской горке, примерно в 15.30. «Беспрерывно приезжали и отъезжали с правого фланга, и особенно от румын, адъютанты и ординарцы. А им-

ператор, по-видимому, принимал особенное участие в штурме румынских войск, так как это был первый их опыт и они должны были штурмовать два редута за деревней Гривицей: один — самостоятельно, а другой — при помощи 1-й бригады 5-й дивизии»⁵⁴, — делился своими наблюдениями полковник. Художник В.В. Верещагин сообщил, какое действие произвело на князя Карла и его свиту, с особенным вниманием следивших «за своей стороной», донесение об отбитом штурме. Князь побледнел, пошатнулся, потребовал лошадь и ускакал с несколькими офицерами. О реакции Карла на возгласы — «румыны дрогнули», «румыны отступают», «румыны бегут» — также написал со слов очевидцев и военный корреспондент Вас.И. Немирович-Данченко, находившийся в тот момент в отряде Скобелева. Для румынского князя, по словам журналиста, «удар был неожиданным и жестоким. Молодая армия, на которую он затратил столько стараний и хлопот, в которую он вложил всю свою жизнь и душу, — бежит и бежит беспорядочно...» (этот пассаж был повторен в уже упоминавшемся сочинении под редакцией Зыкова)⁵⁵. А Верещагин преподнес данную ситуацию с иного ракурса: «“Что это он так перебудоражился?” — спросили оставшегося на кургане румынского полковника. “Очень просто, — хладнокровно, не отнимая бинокля от глаз, ответил он. — Прекрасно знает, что не усидит (на троне — М.Ф.), если его разобьют”»⁵⁶.

В 16 часов начальник 4-й дивизии полковник Ангелеску, не дождавшись поддержки, вторично повел свои войска в атаку, но и она была отбита, а румыны снова отступили за указанную высоту⁵⁷, отмечал в своем труде Вакареску. В «Журнале военных действий против Турции на Европейском театре войны», который вел полковник М.А. Газенкамф (1843–1913), зафиксировано, что в 15.50 русские войска подошли к Гривицкому редуту, и «во рву начался бой. Часть румынских войск вследствие сильного огня отошла и начала устраиваться»⁵⁸. Таким образом, поддержка русских была, но не столь значительна (всего два батальона согласно диспозиции), чтобы переломить ход боя, поэтому румыны ее и не заметили (или не пожелали заметить), что явствует из сочинения Вакареску и коллективной монографии «Румыния в войне за независимость».

С высоты, где находились командир IX армейского корпуса барон Криденер и его штаб, были хорошо видны действия румынских войск и движение русской бригады от Гривицы. Вот как описана эта атака в «Журнале военных действий IX армейского корпуса...»: «Молодые румынские войска, неискушенные еще в боях, двинувшиеся сначала стройными линиями, попав в район трехъярусного ружейного огня и, отчасти, флангового артиллерийского из укреплений Букова-Липа (ныне Буковлык. — М. Ф.), не выдержали, смешались и, несмотря на пример и ободрение своих офицеров (из коих несколько Генерального штаба пали, находясь впереди войск), отошли около 16:15 в полном расстройстве к Врбицкой дороге. Только передовой левофланговый эшелон (батальон или два) остановился в небольшой ложине, шагов 400 не доходя до редута»⁵⁹. Генерал-майор Родионов, видя такое положение дел и зная назначение бригады только поддержать румын, приостановил свои войска частью за бугром, частью в ложине, в шагах 300-х от редута. 3-я стрелковая рота архангелогородцев присоединилась к оставшимся после штурма румынам, которые лежали за небольшим курганом перед турецким редутом в относительной безопасности. Когда румыны заметили малочисленность прибывшего подкрепления, то они «хотели удрать», но прапорщик Билетов «начал с ними браниться и заставил их остаться»⁶⁰.

Штабс-ротмистру В.М. Вонлярлярскому, ординарцу главнокомандующего, рассказывали о весьма курьезном происшествии: «часа в 4 лихо подскочил к Царскому валику один румынский офицер, ловко соскочил с коня, подбежал к государю, снял кэпи и доложил: “Ваше величество, редут Гривица взят румынскими войсками, ... но я не уверен”. На подобное комическое донесение государь не мог не улыбнуться»⁶¹.

В.В. Верещагин наблюдал за движением румын и «имел при этом случай еще раз убедиться в том, что официальные донесения обыкновенно не передают действительности». «Например, хорошо видно было, что румынские войска, кроме нескольких смельчаков, дошли лишь до рвов редута, в которых и засели; когда же навесной огонь стал выживать их оттуда, сначала одиночками, потом дружно, вместе, они побежали назад. В офици-

альном же донесении было сказано потом, что румыны ворвались в редут, но, встретив численное превосходство, принуждены были отступить»⁶².

Гривицкий редут № 1 представлял собой почти квадрат со стороной 150 м, оборудованный для круговой обороны. Внутри него находился крестообразный траверс*. Высота бруствера — семь футов (2,13 м), ширина — 4,27 м, внешний круговой ров глубиной 1,50 м и шириной 2,15 м⁶³, толщина — 14 футов. Глубина наружного рва около 5 футов, ширина его 7 футов. Перед редутом шла траншея. От деревни Гривица до редута было 750 сажень. Три лога** (лощины) отделяли расположение 1-й бригады от этого редута. Между вторым и третьим логами лежала значительная высота (гребень), почти на одном уровне с редутом. За этой высотой с крутыми скатами к югу можно было найти полное укрытие от выстрелов с Гривицких укреплений⁶⁴.

Около 16:30 русская бригада начала наступление. Ее появление возбудило в румынах боевой дух: «Не поддавайтесь назад, ребята; не то придут русские, возьмут редут, и будет нам стыдно»⁶⁵, — сообщалось в немецком переводе труда Вакареску (в русском переводе этой фразы не было). Румыны в третий раз атаковали редут, но также неудачно, как и первые два раза.

В 16:50 от барона Криденера вернулся поручик Скарятин и доложил главнокомандующему о том, что генерал Шильдер-Шульднер (т.е. полки 5-й пехотной дивизии, командиром которых тот являлся) занимал две возвышенности на расстоянии около 600 шагов от редута. «Дальше идти пока не может, потому что румыны плохо поддерживают: начнут наступать, а потом опять бегом назад»⁶⁶. Одновременно с поручиком Скарятиным прибыл к главнокомандующему штаб-ротмистр Муханов с сообщением от князя Карла, который лично поехал на правый фланг своих войск, чтобы «двинуть их вперед, так как они не подвигаются».

* Траверс — элемент открытых фортификационных сооружений (траншей, ходов сообщения и т. п.) в виде поперечного вала, который располагают на протяженных прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т. п. Как правило, траверсы строят в виде выступов или в виде насыпей с целью защиты личного состава во внутреннем пространстве от поражения тыльным, продольным или навесным огнем.

** Лог — широкий, значительной длины овраг с отлогими склонами.

1-я бригада 5-й пехотной дивизии стоит и выжидает⁶⁷. В 16:55 великий князь получил телеграмму от князя Карла, которая подтверждала, что «румыны приостановились, но теперь снова двинулись вперед»⁶⁸.

В 17:15 румынские войска «в третий раз пошли в атаку на Гривицкий редут, из которого турки уже вывезли артиллерию. Турки, завидев новую атаку, бросили боковые траншеи и все вбежали в редут»⁶⁹, — докладывал великому князю Николаю Николаевичу румынский флигель-адъютант полковник Гергель. (Указанное здесь время третьей атаки румын не совпадает с сообщением в труде Вакареску.) В 18:15 румынский полковник Липояно подтвердил, что третья атака румын и русских не удалась. «Румыны пытались обойти фланг турок, но те это вóвремя заметили и отразили их огнем». В 18:40 прибыл сам князь Карл и сообщил, что русские и румынские войска «остались в виду редута. Потери огромные. Генерал-лейтенант Шильдер-Шульдер уже ввел в дело свой резерв»⁷⁰. Такова информация, доставленная главнокомандующему о третьей попытке румын атаковать Гривицкий редут.

Уже упоминавшийся майор Квитка желал участвовать в сражении, поэтому он как ординарец барона Криденера сумел получить приказ ехать в 1-ю бригаду. Шильдер-Шульдер дал ему разрешение направиться в 17-й Архангелогородский полк, чтобы оттуда следить за ходом боя. Командир полка Н. П. Шлиттер* позволил Квитке идти в авангарде, хотя и заметил, что там «пули летают». Майор объяснил нелюбезность полковника тем, что тот принял его за одного из штабных «фазанов», охочих до наград, но редко бывавших в «сфере ружейного огня». Квитка добрался до уже знакомого ему кургана, на вершине которого залегли

* Шлиттер Николай Петрович (1834–30.08.1877), из дворян Тифлисской губернии, начав службу юнкером в 1850 г., за отличия в сражениях во время Крымской войны 1853–1856 гг. и в делах против горцев был произведен в штабс-капитаны в 1858 г. и награжден орденом св. Георгия 4-й степени в 1859 г.; в 1865 г. за отличие при окончательном покорении Западного Кавказа пожалован орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, через год повышен в майоры, в 1866 г. переведен в л.-гв. Преображенский полк капитаном, а через три года стал полковником. В 1874 г. Шлиттер состоял в свите императора. Во время русско-турецкой войны он находился при штабе главнокомандующего Дунайской армией, 15 июля был назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка вместо убитого под Плевной полковника И. И. Розенбома (1829–1877).

русские стрелки и открыли огонь по редуту. «Ниже их, по показости, обращенной в нашу сторону, в сравнительной безопасности лежали и сидели румынские доробанцы и стреляли вверх по невидимой цели, “ура” не смолкало». «Румынские офицеры стояли между своими солдатами и поощряли их кричать громче и чаще для того, чтобы турки, ожидая атаки, сами не переходили бы в наступление». Майор Квитка с трудом убедил их в том, что, «слыша “ура” всё на том же месте, неприятель догадался, что это не торжествующий вызов атакующих, а нелепый крик трусов, старающихся заглушить охватившее их чувство страха». «Как не похожи были эти люди на храбрых солдат Фалькояну. Каковы начальники, таковы и подчиненные»⁷¹, — констатировал майор.

Необходимо подчеркнуть, что Квитка отнюдь «не клеветал» на румын, и описанная им «методика ведения атаки» союзниками не его выдумка или литературное преувеличение. В рапорте командира 121-го пехотного Пензенского полка полковника Д.А. Конаржевского начальнику 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Н. Вельяминову от 8 октября 1877 г. сообщаются любопытные подробности «решительного» штурма 7 октября Гривицкого редута № 2, произведенного 4-й румынской дивизией полковника Ангелеску. «Помощником ему был майор прусского Генерального штаба Лигниц, офицер выдающихся военных способностей и храбрости»⁷², — сообщал А.Н. Куропаткин. Следует сказать, что к 20 сентября румыны окончили постройку четвертой параллели траншей, отстоявшей от Гривицкого редута № 2 всего лишь на 100 шагов. «С такого расстояния, казалось, уже нетрудно было произвести атаку, тем более, что положение турецкого укрепления, расстреливаемого с трех сторон 48 румынскими орудиями, было очень тяжело»⁷³, — писал полковник Генерального штаба Е. Мартынов. Для того, чтобы отвлечь внимание неприятеля, накануне, 5–6 октября, были произведены несколько демонстративных атак.

7 октября Пензенский полк, получив приказ поддержать союзников в нужный момент, выдвинулся на позиции. В 12:45 началась атака. «Румыны добежали до рва турецкого редута без выстрела с турецкого редута. Правый фланг повернул кругом, а затем и вся штурмовая колонна, причем убыль их состояла

из 15 человек», — сообщалось в рапорте командира полка. Далее атаки не повторялись, но артиллерийская стрельба продолжалась до 14:45, причем турки сумели значительно повредить во многих местах Гривицкий редут № 1. Замеченные полковником Конаржевским колонны турок в ложине, позади турецкого редута, были по его указанию рассеяны меткими выстрелами русской артиллерии.

Румынский комендант редута уведомил русских, что в 18:00 штурм будет возобновлен, поэтому пензенцы остались на своих позициях. «В 18:15 началась атака: две румынские колонны вышли из траншей и бросились бегом к турецкому редуту; добежавши до рва и сделавши залп по туркам, там находящимся, левая колонна спрыгнула в ров, а правая повернула кругом и бежала обратно в траншею. После этого, несмотря на непрерывные сигналы к атаке, одиночные люди лишь выходили из траншей, чтобы пособить исчезнувшим во рву; огромная же масса румын, находящихся у выхода из траншеи, кричала только “ура” и не двинулась с места. В 19:15 сигналы прекратились, а вслед за ними и стрельба». Правда, ночью периодически раздавались выстрелы: это турки стреляли по румынским санитарам, подбиравшим раненых.

Пензенскому полку пришлось остаться на своих местах, поскольку румынский комендант предупредил о вновь намечавшейся атаке или ночью, или с рассветом. С 2:30 утра началась сильная артиллерийская и ружейная стрельба, продолжавшаяся около 30 минут. Румыны заявили, что это было наступление турок. Пензенцы опровергли данное сообщение: турки не атаковали, а вылезли из траншей, чтобы добить раненых и снять с них одежду. После нескольких выстрелов мародеры убралась обратно. В течение двух суток, с 4 часов 6 октября и до 4 часов 8 октября, русский полк простоял на позициях бесценно, его убыль составила 11 раненых, потери у румын были значительны⁷⁴, констатировал полковник.

В «Журнале» IX армейского корпуса штурм румын описан так: «Румыны, собравшиеся за траншеями, в значительном числе бросились вперед. Пространство от их траншей до рва редута было шагов 70. Несмотря на энергию распорядителя майора

прусского Генерального штаба Лигница, румыны не выдержали встречного огня и повернули назад в траншеи, открыв оттуда сильную, но бесполезную перестрелку. По предположению майора Лигница, румынские отряды должны были наступать из своих траншей, прикрываясь накатываемыми турами*, которые предназначались для заброски рва; но операция эта оказалась неудачно выполненной: много туров оказалось разбросанными между траншеями и неприятельским рвом и только небольшая часть попала в ров. Атака румын повторена, однако, была вечером того же дня, но безуспешно. После этих усилий, стоивших немалых жертв румынским войскам, они, по-видимому, отказались от атаки открытой силой и решили перейти к минным работам. Несмотря на целесообразные распоряжения для штурма, оказалось, что румынские войска далеко еще не окрепли воинским духом для таких решительных действий»⁷⁵, — делал вывод автор «Журнала».

И еще одно, весьма важное дополнение к описаниям этого боя: ночью стали слышны стоны раненных румын, лежавших у турецкого редута. Румынский комендант, не найдя в своих войсках охотников пробраться к турецкому редуту и перенести раненных, отмечалось в «Журнале» IX армейского корпуса, обратился к русским ротам (11-й и 12-й Пензенского полка), занимавшим траншею перед Гривицким редутом № 1. Тотчас вызвались охотники: унтер-офицер Ефрем Налетов, ефрейтор Степан Муратов, рядовой Алексей Осетров, унтер-офицер Кирилл Анисимов и рядовой Яков Григоренко. Они сумели вынести двух раненных румын из-под турецкого редута, при этом один из «спасателей» был ранен. Все русские смельчаки были награждены именными Георгиевскими крестами⁷⁶. В советской историографии это спасение румын подается как яркий пример воинской взаимовыручки и помощи⁷⁷. Правда, в труде под редакцией И.И. Ростунова подвиг русских солдат ошибочно отнесен к 30 августа⁷⁸. Историки при этом «упускают», что из румынских войск, занимавших Гривицкий редут № 1, никто не решился подать помощь своим

* Тура (тур) в фортификации — кузов (плетёнка, корзина без дна), набитый землей (насыпаемый землей или чем иным) и служащий для прикрытия людей, работающих при осаде и обороне крепостей, от пуль и орудий полевых войск.

соотечественникам и однополчанам. В коллективной монографии «Румыния в войне за независимость» такого сюжета вообще нет, хотя ради провозглашавшейся в то время советско-румынской дружбы можно было бы его поместить в ткань повествования.

Следует подчеркнуть, что неудачный штурм 7 октября Гривицкого редута № 2 представлен в сочинении Вакареску иначе: в результате внезапной вечерней атаки, по его утверждению, все турки во рву были переколоты, румыны выбили их и из редута. Но владели укреплением они недолго, так как турки получили значительное подкрепление, и румынам пришлось отступить. В этом бою они потеряли до 2000 чел.⁷⁹ Румынский автор «забыл» упомянуть, что в артподготовке, помимо 48 румынских орудий, участвовали 24 русские пушки и что румынская пехота действовала при активной поддержке русских войск. Авторы 5-го тома «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» придерживались версии Вакареску, хотя в их распоряжении находился весь архивный материал по войне, а не только указанные нами опубликованные документы. Правда, русские военные историки включили в текст казус с полковником Ангелеску, который поспешил доложить князю Карлу, а тот — императору Александру II о победе (захвате редута), однако контратака турецких войск заставила румын вскоре очистить редут и возвратиться в свои траншеи⁸⁰. «Каково было наше разочарование, когда вслед за тем другая телеграмма Тотлебена* известила, что турки отняли опять редут у румын»⁸¹, — писал военный министр Милютин.

Вонлярьярский рассказывал, что во время его дежурства пришло донесение от князя Карла о том, что румыны взяли второй Гривицкий редут. Великий князь немедленно отправил своего ординарца с этим приятным известием к императору. Александр II, который сидел за чайным столиком вместе со своими сыновьями Сергеем и Павлом, был очень обрадован, велел поздравить главнокомандующего с успехом и приказал прислать подробные сведения, как только таковые будут получены от князя Карла.

* Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) — генерал-адъютант, помощник начальника штаба Западного отряда, являлся действительным руководителем блокады Плевны.

Не успел Вонлярлярский вернуться, пришло донесение, что всё это была ошибка и Гривицкий редут не занят румынами. Пришлось ехать с докладом к царю. «Не без страха просил я о себе доложить». Александр II сидел уже один в халате и разбирал бумаги. «Что уже это значит? От чего такие противоречивые донесения?» — спросил он. Офицер отвечал, что «главнокомандующий передал буквально то, что получил от князя Карла, и что, вероятно, завтра будут более подробные сведения». Оказалось, что «храбрые наши союзники уже давно собирались сделать вылазку, чтобы овладеть этим редутом. Наконец, решившись на отважное дело, они бросились из своих траншей и, недолго думая, послали донесение, что заняли редут. На деле же, они повернули сейчас назад, но уже остановить ординарца не могли, и вот причина оказавшегося противоречия в донесениях»⁸², — прокомментировал ситуацию Вонлярлярский.

Сведения, которые полковник Газенкампф, состоявший в распоряжении главнокомандующего и ведший всё делопроизводство Дунайской армии, получил конфиденциально из штаба генерала Тотлебена и записал в своем дневнике, относятся к разряду секретных: «Добежав до редута, румыны в нем засели на целый час. Офицеры напрасно старались их заставить идти на приступ, а когда один из них застрелил самого непослушного из револьвера, то остальные солдаты тут же закололи не только его, но и еще двух офицеров, а затем бросились бежать, понеся, конечно, при этом большие потери от турецкого огня. Вот это бесконечное сиденье во рву и подало румынскому начальству повод думать, что редут взят. Поторопились сообщить князю Карлу, а тот поспешил телеграфировать великому князю о взятии редута»⁸³.

Следует отметить, что в историографии принята именно трактовка Вакареску этого неудавшегося сражения⁸⁴. В официальном донесении о штурме, напечатанном в газете «*Moniteur officiel de Roumanie*» («Официальный правительственный вестник Румынии») и опубликованном в переводе на русский язык в труде Куропаткина, сообщалось, что войска в ходе вечерней атаки в результате кровавой рукопашной схватки с турками овладели траншеей, прикрывавшей редут. Но их усилия взобраться по крутым скатам вала были напрасны, поэтому храбрые солдаты решили

обогнуть редут, чтобы ворваться в него через вход, но здесь были встречены убийственным огнем. Геройские усилия солдат были разбиты о численное превосходство неприятеля. В этом рапорте также не упоминалась поддержка со стороны русской артиллерии и русских полков. Куропаткин отметил стремление высшего румынского командования переложить ответственность за неудачу штурма на полковника Ангелеску, который был затем отстранен от должности⁸⁵.

Но вернемся в 30 августа 1877 г. на подступы к Гривицкому редуту № 1. Командир 14-го полка доробанцев полковник Фотия (А. Фотя) и командир батальона майор Кандиано Попеску (Ал. Кандиано-Попеску) сообщили, что от их полка, назначенного для штурма редута, дошли сюда только две роты, остальные четыре остановились у артиллерийской позиции и далее идти отказались⁸⁶, — писал Квитка. Румыны заявили, что если русские войска «не подойдут в скором времени», то «они отодвинутся назад», так как опасно находиться в столь близком расстоянии от неприятеля. Квитка, чтобы успокоить их, заверил, что русские колонны «сейчас покажутся». По словам майора, русские солдаты и офицеры «с презрением относились к этим трусливым крикунам». Со своей стороны, они считали атаку достаточно подготовленной артиллерийским огнем и «говорили, что совместно с батальоном Вологодского полка, расположенным левее, нужно идти на штурм, не дожидаясь остальных колонн»⁸⁷. Особенно настаивал на решительном штурме прапорщик Билетов⁸⁸. Квитка же полагал, что атаковать редут следует при введении в дело главных сил. Дважды посылались солдаты к полковнику Шлиттеру с донесениями, в которых говорилось о необходимости атаки (они не были опубликованы). А тем временем румыны стали поодиночке убегать назад. Попеску объявил, что он уходит, «так как это положение невыносимо». Майор Квитка попросил его подождать еще несколько минут⁸⁹.

Он и майор Кольчевский, командир батальона Вологодского полка, отправились к бригадному командиру генерал-майору Родионову⁹⁰, зафиксировано в «Журнале» 17-го Архангелогородского полка. В своих воспоминаниях Квитка писал, что по решению офицеров именно он был послан (и притом один) к полков-

нику Шлиттеру, а не к Родионову. Полковник не решился взять на себя ответственность за штурм укреплений, о которые уже два раза «разбивался» Архангелогородский полк*, тем более, что и в диспозиции речь шла только о поддержке румын, а не о самостоятельной атаке русских. Поэтому донесение было передано начальнику 5-й дивизии Шильдер-Шульднеру на его рассмотрение⁹¹, свидетельствовал Квитка.

Барон Криденер в полевой записке Шильдер-Шульднеру от 16:30 запрашивал о количестве войск, введенных в дело, о резерве и о том, «насколько помогают румыны и какие надежды ваши на успех овладения редутом»⁹². В 17:15 Шильдер-Шульднер отвечал, что русские батальоны находились значительно ближе к редуту, чем румыны, что о подробностях насчет румын он сообщит по получении сведений от генерала Родионова. Начальник 5-й дивизии спрашивал Криденера: «Если румыны в 6 час. вечера не решатся атаковать, то следует ли нам одним продолжать атаку сегодня?»⁹³. Начальник IX армейского корпуса «вполне основательно ответил, что решение этого вопроса предоставляется генералу Родионову, который, будучи на месте, может лучше судить о положении дела»⁹⁴. В полевой записке от 17:35 на имя Шильдер-Шульднера генерал-майор Родионов указывал, что передовые роты находились в 150 шагах от турецких ложементов. «Решаюсь сейчас атаковать»⁹⁵, — сообщал он.

Капитан Генерального штаба Биргер передал барону Криденеру полевую записку от 18:15, в которой сообщалось, что уже все резервы были введены в дело и даже артиллерия не имела прикрытия. Левый фланг со стороны Плевны ничем не прикрыт, поэтому надлежало испросить разрешение у главнокомандующего передвинуть 9-й пехотный Староингерманландский полк. «Румыны мало и даже совсем не содействуют атаке». Раненых очень много. Записка заканчивалась фразой «Успех атаки пока не известен»⁹⁶.

Распоряжения Родионова для штурма были следующие: «Архангелогородский полк атакует с фронта, один батальон вологодцев обходит редут и атакует его с тыла, и два батальона

* 17-й пехотный Архангелогородский полк участвовал в штурмах Плевны 8 и 18 июля и понес тяжелые потери в личном составе.

вологодцев обеспечивают движение батальонов слева и противодействуют турецким резервам, если бы последние были высланы на поддержку войск, занимавших редут»⁹⁷. Родионов выждал, пока все войска сосредоточатся в последней ложине перед редутом. В 18:00 по команде «вперед» все двинулись разом на штурм «без крика»⁹⁸. Паренсов, анализируя этот бой, восхищался высоким профессионализмом Родионова, его замечательным умением владеть массой, руководить и вести сражение⁹⁹.

Квитка, наделенный не только бесстрашием, но и литературным талантом, так описал эту удивительную атаку: «Солдаты поднялись, стали медленно восходить на гребень, поддаваясь вправо, пригнув головы, как бы откладывая еще на мгновение необходимость вступить под огонь страшного редута. Вдруг опять разразилась стихшая на минуту гроза, орудийная и ружейная пальба слились в один общий гул — чудовищный рев ада, вооружившегося для защиты избранного клочка земли. Наши дрогнули, одни попятились назад, масса колыхнулась влево, не решаясь идти вперед. В это мгновение Шлиттер шагнул к редуту, и все двинулись за ним»¹⁰⁰. Паренсов писал, что полковник Шлиттер был «огромного, выдающегося роста, очень крепкого сложения, весьма внушительной наружности, уже украшенный Георгием за отличие на Кавказе. Даже в Преображенском полку он выделялся своей фигурой. Можно себе представить, каким гигантом выглядел он среди маленьких армейцев». Бросок Шлиттера напомнил Паренсову древнерусский богатырский эпос: «Одно движение — и целый подвиг!»¹⁰¹

Военный корреспондент Немирович-Данченко весьма литературно изобразил начало атаки. Русские якобы не знали, что делать, отступать или нет. В этот момент поднялся командир Архангелогородского полка флигель-адъютант Шлиттер: «Я кавказский офицер... У нас приказывали брать и брали и не такие позиции... Ребята, за мной!» Он первым выскочил на бруствер редута, был смертельно ранен и умер через два дня¹⁰². Слова полковника Шлиттера и его подвиг в интерпретации Немировича-Данченко запечатлены в труде под редакцией Зыкова, а также в работе болгарских историков Г. Георгиева и В. Топалова¹⁰³. На наш взгляд, указанное обращение полковника Шлиттера к солдатам — худо-

жественный вымысел, поскольку во время атаки, когда буквально секунды решают быть или не быть победе, пафосные речи не произносятся, да их и не услышат!

Квитка крикнул румынам: «Вперед!», но только успел слышать, что ответил ему «вдогонку Попеску: “Погодите, еще рано”. Они остались на прежнем месте, за прикрытием отлогости оврага». «...Мы бежали вперед, не замечая тех, что спотыкались и ложились сзади скорченными трупами. Одним из первых пал Шлиттер, пала большая часть офицеров, но теперь могучий, стихийный порыв не мог уже быть остановлен никем. Бежавшие рядом со мной останавливались, вступали в борьбу с турками, засевавшими в волчьи ямы, но никому до них не было дела, все бежали вперед и вперед изо всех сил...». «...Бежали мы должно быть не более минуты, но этот короткий промежуток времени длился столько, сколько может длиться время для падающего с высоты. В начале мы окунулись в свинцовый вихрь, как бросаются в холодную воду, потом нас охватил чад, порыв, стремление вперед, и это стремление было так сильно, что могло быть остановлено только истощением или смертью»¹⁰⁴.

Квитка «боялся опоздать ко взятию редута»: он прыгнул в ров, где шел бой, стал карабкаться по его скользкому и мокрому склону, солдаты помогли ему руками и прикладами. В два прыжка майор очутился против дула орудия, с третьим прыжком опрокинул турецкого солдата. Офицерская шашка свистнула по протянутой руке турка, и она повисла на сукне мундира. Тут Квитка заметил, что в редуте он один, а к нему со всех сторон устремились турки. Ужас охватил его. «Отмахиваясь шашкой, — пишет он, — я вскочил на пушку, как ступень, чтобы сквозь амбразуру выбраться назад к своим, и при этом крикнул что было мочи: “Сюда, братцы, сюда, выручайте”». Солдаты уже влезали в укрепление. «В этот миг что-то ударило меня в грудь, и я упал под орудие». Когда Квитка пришел в себя, его окружали свои, русские. Майор был ранен, с трудом стоял на ногах, поэтому его посадили на пушку, «и в таком положении, — продолжал он, — застали меня румыны, ворвавшиеся в редут, как будто брали его с боя, тогда как наши давно прошли через него и дрались теперь у следующего укрепления». С румынами вошел в редут и рот-

мистр Хвостов, ординарец барона Криденера. Генерал Родионов поручил ему развернуть и воздвигнуть на валу румынское знамя, поскольку русские знамена были в чехлах, «да притом понесены далее». Требовалось безотлагательно показать русским батареям, что редут взят, так как они продолжали стрелять по нему и наносили «чувствительные потери» своим войскам. «Факт поднятия над редутом, взятым русскими войсками, румынского флага был выставлен румынами как доказательство, что они, а не русские овладели им», — указывал майор Квитка. «Тяжелые складки знамени медленно развернулись под напором ветра при торжествующих ликованиях и залпах румын. Попеску командовал беспорядочной толпе “на караул” и крикнул “Vive l’Empereur Alexandre, s’est aujourd’hui sa fête!” (Да здравствует император Александр, сегодня его именины!)» «Эта любезность относилась к нам», — отметил Квитка. «Трудно поверить, до чего может дойти самохвальство румына: Попеску донес начальству, что редутом овладели с боя румыны и что он первый в него вошел». Он, «впрочем, не отвергал, что в редуте уже находился русский майор, сидевший на турецкой пушке». Благодаря этому рассказу, полагал Квитка, «в иностранных, а затем и в русских иллюстрациях» появилась картинка, на которой он был изображен сидящим на пушке и рубящим окружавших его турок¹⁰⁵. Паренсов подтвердил, что в Бухаресте, в каком-то заграничном иллюстрированном журнале, он действительно видел изображение майора верхом на пушке¹⁰⁶.

Согласно донесению флигель-адъютанта полковника С. Д. Чингиза, прибывшего к главнокомандующему в 20:05, первым было установлено и распущено над редутом знамя Архангелогородского полка, затем — знамя Вологодского полка и одно румынское¹⁰⁷.

Военный корреспондент В. В. Крестовский представил иной вариант появления знамен над Гривицким редутом: знаменосец 1-го батальона Архангелогородского полка водрузил знамя, упакованное в чехол, на южном фасе редута. Батальонный командир приказал снять чехол и переместить распущенное знамя на западный фас, обращенный к туркам. Вскоре после этого рядом с первым были установлены еще два знамени: Вологодского полка и румынских егерей 2-го батальона, а вслед затем турки

были выбиты штыками и из ближайших ложементов¹⁰⁸. Авторы труда «Румыния в войне за независимость» отметили, что на завоеванном редуте водрузили знамена 14-го полка доробанцев и 2-го егерского батальона», а о русских знаменах умолчали¹⁰⁹.

Квитка явился свидетелем и дальнейших действий румын, которые не устремились вслед за русскими батальонами в следующие турецкие укрепления. «Румыны начали неистово колоть турецкие трупы штыками, стрелять в ямы, во все углубления вала, где могли скрываться турки, что грозило опасностью взрыва пороховых погребов», — писал русский офицер. Несколько человек редифа, не успевших бежать, «попрятались в блиндированных нишах. Они молили о пощаде, бросали румынам сахар, табак, деньги, но у трусов не бывает великодушия: все турки пали под десятками выстрелов». «Новые румынские войска вступали в редут одни за другими, и каждый раз повторялись сцены жестокого самоуправства; нередко румыны стреляли по своим, думая, что имеют дело с неприятелем»¹¹⁰.

При изучении документов и литературы о сражении за Гривицкий редут № 1 возникают вопросы, на которые мы пока не нашли однозначных ответов. Так, в источниках имеют место несколько вариантов сведений о том, как было захвачено турецкое знамя (или два знамени). Из воспоминаний Квитки следует, что он, сидя на пушке и наблюдая за доробанцами, увидел, как кучка румын набросилась на что-то, лежавшее в грязи у его ног, «и вновь грянуло “ура”»: то было турецкое знамя, затоптанное нашими солдатами». Впоследствии майор читал в газете «Orient», издававшейся в Бухаресте, что это знамя было «вырвано из рук турецкого знаменщика майором Попеску, который первый вошел на вал»¹¹¹.

Крестовский сообщил, что в числе трофеев было два знамени. Одно добыли «люди Архангелогородского полка», другое — румынский егерь Грегор Иован вместе с сержантом Никою Ионом и капралом Никою Васили¹¹². В сочинении под редакцией Зыкова приведен следующий рассказ. Русские завладели двумя знаменами. Одно из них дали держать русскому унтер-офицеру, знаменосцу. Но затем пришли несколько румын, которые попытались отнять это знамя. Произошла свалка, и в ней сильно пострадал

унтер-офицер, которому всё же удалось удержать в своих руках древко от знамени. Правда, румынам потом отдали и древко, которое они торжественно преподнесли князю Карлу¹¹³.

В «Журнале» IX армейского корпуса записано, что в Гривицком редуте № 1 было взято 5 орудий и «редутный значок (т.е. флажок. — М. Ф.), который... валялся на земле в редуте и был случайно отыскан уже утром 31 августа»¹¹⁴.

В историографии XX века также нет единогласия. Румынский историк Д. Бериндей утверждал, что солдат Григоре Ион захватил зеленый оттоманский штандарт¹¹⁵. Болгарский историк Ц. Генов писал, что рядовому 2-го румынского егерского полка Григоре Иону Алукаю удалось захватить турецкое знамя¹¹⁶. В сочинении «Румыния в войне за независимость» указывалось, что «в этом бою солдат Ион Григоре, сержант Георге Стан и капрал Василе Ника — все из 2-го егерского батальона — захватили османское боевое знамя»¹¹⁷.

Следует отметить, что в разных официальных документах содержатся разные сведения о трофеях: две, три или пять пушек, одно или два знамени. Так, в рапорте начальника 5-й пехотной дивизии Шильдер-Шульднера командиру IX армейского корпуса от 3 сентября, который лег в основу рапорта барона Криденера начальнику Западного отряда Зотову от 6 сентября, в «Описании действий 1-й бригады 5-й пехотной дивизии», подписанном Криденером, указывается, что в качестве трофеев русским войскам достались три пушки и одно знамя¹¹⁸. Эти данные имеются в работах П. Паренсова, Г. Георгиева и В. Топалова¹¹⁹. О том, что «в редуте отбито у турок 5 орудий и 2 знамени: одно из них румынами», доложил главнокомандующему флигель-адъютант Чингиз со слов раненного генерал-майора Родионова¹²⁰. Генерал-майор А.П. Струков, адъютант главнокомандующего, посланный великим князем с проверкой сразу же после прибытия полковника Чингиза, вернулся в 22:30 и подтвердил справедливость известия о взятии редута 1-й бригадой 5-й пехотной дивизии и одним румынским батальоном, а также о захвате двух знамен и трех пушек¹²¹. Из полевой записки начальника штаба IX корпуса полковника Липинского генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру от 31 августа узнаем, что главнокомандующий приказал вывезти

из редута пять турецких орудий. Рекомендовалось исполнить это, при наступлении сумерек, артиллерийскими лошадьми¹²². Начальник Западного отряда генерал-лейтенант П.Д. Зотов в своем дневнике отметил, что в Гривицком редуте взяли пять орудий и два знамени, что было указано и в его отчете — «Описание боя войск Западного отряда под Плевной с 26 по 31 августа включительно», приложенное к рапорту начальнику полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютанту А.А. Непокойчицкому от 9 октября¹²³. Эти же сведения приводятся в книге лейтенанта артиллерии румынской армии П. Вассилиу¹²⁴. Вакареску писал, что турки оставили в редуте пять орудий и знамя¹²⁵. Любопытно, что авторы 5-го тома «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», подвергли сомнению сообщение Вакареску о пяти орудиях, подчеркнув, что перед штурмом, согласно данным турецких авторов, в редуте было всего два орудия. «Откуда и когда были подвезены остальные — из турецких источников не видно»¹²⁶.

В «Журнале» IX армейского корпуса рассматривался вопрос о том, кто первым вошел в редут. «Из-за совершенных сумерек это было сложно установить», — подчеркивалось в «Журнале». «Да притом первые, вероятно, легли мертвыми, но можно без преувеличения сказать, что кроме распорядительности генерала Родионова и его личного примера, все офицеры, особенно третьих батальонов и подошедших вновь за ними вторых батальонов, личным их участием помогли взятию редута непосредственно». При этом назывались фамилии поручика Федоровича и штаб-капитана Орлова, командиров третьих стрелковых рот Архангелогородского и Вологодского полков, роты которых с самого начала всё время были впереди. С передовыми линиями вступили в редут и ординарцы командира IX корпуса майор Квитка и ротмистр Хвостов¹²⁷.

Однако для прессы нужны были сильные эмоции и яркие образы героев. Слава первого воина, вскочившего на бруствер Гривицкого редута, в корреспонденции Крестовского заслуженно досталась полковнику Шлиттеру. Рядом с ним оказался румынский офицер, его знакомый, который отправился на штурм волонтером, но его имя не было известно журналисту. Храбрый румын едва прыгнул в редут, как «был в куски изрублен ятаганами».

Одновременно со Шлиттером ворвались в редут майор Квитка и ротмистр Хвостов¹²⁸. Эти сведения были повторены в сочинении под редакцией Зыкова¹²⁹. А в труде болгарских историков Георгиева и Топалова неизвестный румынский офицер, принявший страшную смерть, был ошибочно назван А. Попеску¹³⁰. О майоре Попеску, изрубленном в куски, сообщила и болгарский историк Е. Пенкова¹³¹. Ф. В. Грин (1850–1921), военный атташе при посольстве США в Санкт-Петербурге и при русской армии во время войны, считал, что на небольшом расстоянии от бруствера были убиты командир 17-го полка и командир румынской бригады¹³².

Вас. И. Немирович-Данченко также написал, что первыми на бруствер редута взошли полковник Шлиттер, майор Квитка, ротмистр Хвостов и румынский майор А. Попеску, только последнего, в отличие от коллеги по перу Крестовского, корреспондент «оставил в живых» и сообщил интересные детали его биографии, которые подтверждаются и в современных информационных базах. Александру Кандиано-Попеску (1841–1901), командир 2-го батальона румынских стрелков, являлся членом парламента Румынии и доктором прав, лидером (президентом) самопровозглашенного государственного образования в Плоешти — Республика Плоешти, просуществовавшего одни сутки — с 8 на 9 августа 1870 г. Выступление было подавлено, но суд оправдал Попеску и его сторонников. «Это энергический и красивый, хотя коротковатый и словно обожженный на солнце брюнет. Теперь его в Бухаресте на руках носят. Оно и понятно — он герой дня. Он в этот день спас честь румынской армии и недаром заслужил Георгия (4-й степени. — *М. Ф.*), который теперь и носит на груди — чуть ли не первый из всех румынских военных»¹³³, — писал Немирович-Данченко. Крестовский отмечал, что Попеску, занимаясь в мирные дни адвокатурой, перед войной поступил в армию по реквизиции и был назначен командовать батальоном только утром 30 августа¹³⁴. Русским журналистам не было известно, что в 1859 г. Попеску закончил военную артиллерийскую школу в чине подпоручика.

Французский журналист маркиз ван дё Вёстин дё Грамме дё Вард, бывший капитан артиллерии, отмечал, что в нем возродилась уверенность в победе, как только русские 17-й и 18-й пол-

ки вступили в сражение за Гривицкий редут: «они не вернутся с пустыми руками», и успех будет «как в Никополе», за штурмом которого он сам наблюдал. И маркиз не ошибся — под крики «ура!» укрепление было захвачено. «Румынский младший лейтенант установил флаг на редуте и поднялся на него одним из первых»¹³⁵. Французский военный историк Жан-Амедей Ле Фор описал штурм Гривицкого редута 1-й бригадой 5-й дивизии, в результате которого в 19:15 редут вместе с пятью крупновскими орудиями и двумя знаменами был во власти русских. Ле Фор заметил, что одновременно с русскими в редут вошли румыны — батальон 16-го полка доробанцев — и захватили штандарт¹³⁶. Д. Бериндей утверждал, что во главе румынских войск, взявших редут, особенно отличились командир Александру Кандиано-Попеску и капитан Мойсе Гроза¹³⁷.

Однако с очищением редута от турок относительная безопасность нахождения в нем была вскоре нарушена турецкими батареями, которые, находясь на Гривицком редуте № 2, «с удивительной меткостью» начали обстреливать захваченное укрепление. «Как трусливое стадо баранов разбежались румыны при взрыве гранат и толпились подальше в углах. И все наши солдаты, которые искали укрытия сзади атакующих колонн, были теперь здесь, я гнал их вон в свои части»¹³⁸, — свидетельствовал майор Квитка. От обильной потери крови он почувствовал слабость, а поскольку санитаров не было видно, то «с наступлением темноты» отправился на перевязочный пункт самостоятельно вместе с раненым в ногу солдатом.

В конце октября Квитка вернулся в Гривицу продолжать службу при штабе IX корпуса, хотя его рана еще не зажила. 5 ноября адъютант румынского князя Карла Бларамберг вручил русскому офицеру золотую медаль «*Virtute militara*»* («Военной доблести»), подчеркнув, что его высочество жалует Квитке эту медаль за подвиг при штурме Гривицкого редута и в память того, что он сражался в рядах с румынами. Квитка не скрывал, что ему

* «*Virtute militara*» — медаль, учрежденная 8 апреля 1872 г. румынским князем Карлом, имела две степени: 1-я степень (золотая) присуждалась офицерам, 2-я степень (серебряная) — унтер-офицерам и нижним чинам. С 1877 по 1916 гг. эта награда была высшей боевой наградой за личный подвиг для всех военнослужащих румынской армии, и носить ее полагалось перед всеми орденами и медалями.

было «лестно получить эту награду, но обидно, что иностранный принц оценил» его «раньше русского начальства». Правда, майор не смог удержаться, чтобы не «подпустить шпильку», добавив, что эта медаль «*Virtute militara*» имелась и для нижних чинов — серебряная или бронзовая, русские солдаты прозвали ее «верблюд на гитаре*»¹³⁹. 7 ноября Квитка отправился в Порадим, чтобы поблагодарить Карла за пожалованную награду. Румынский князь принял русского майора «очень ласково, пожал ему руку. И на его любезность Квитка ответил, что для него «была большая честь удостоиться награды румынского князя, который является первым солдатом своей армии, и заслужить эту награду, сражаясь в рядах его доблестных солдат». «Я грешил против истины, но что же делать — нельзя же не ответить любезностью на такое лестное внимание симпатичного государя»¹⁴⁰, — писал Квитка. Румынский князь долго беседовал с русским офицером о сражениях под Плевной в конце августа, расспрашивая о его участии в них. Разумеется, Квитка умолчал о том, «как бежало прикрытие Фалькояну и как мало принимали участие румыны в штурме Гривицкого редута». При прощании Карл заметил, что медаль «*Virtute militara*» имела в Румынии то же значение, что Георгиевский крест в России. Квитка расценил слова румынского князя как намек на то, что он, приехав благодарить за пожалованную награду, должен был надеть румынскую медаль выше своего ордена Владимира, тогда как майор «ее навесил ниже, как полагается иностранному ордену»¹⁴¹.

И вновь обращаем наше внимание на Гривицкий редут 30 августа. Командир Вологодского полка полковник С. В. Рыкачев (1829–1899) после его захвата с двумя батальонами двинулся против турецких подкреплений, спешивших на помощь своим из расположенного к северо-западу от редута лагеря. Вологодцы ворвались в этот лагерь, но взять его не смогли и отступили к Гривицкому редуту № 1, на котором уже в 19:30 развевались русское и румынское знамена. Генерал-майор Родионов был ранен, и в командование бригадой вступил полковник Рыкачев¹⁴². В 20:00 в редуте было «до крайности тесно, там подобрался почти весь

* Известно, что русские солдаты переделывали иностранные названия и слова на свой лад.

Архангелогородский полк; были и вологодцы, преимущественно 1-го батальона. У юго-восточного угла редута оказалась группа румынских солдат, человек 100, из батальона Попеску (румыны заявили, что их было 200 человек)¹⁴³, записано в «Журнале» IX армейского корпуса. По распоряжению полковника Рыкачева из редута были выведены лишние войска, а также приступили к выносу раненых и уборке мертвых тел.

Штурмы Гривицкого редута 30 августа дорого обошлись и румынам, и русским. 4-я румынская дивизия потеряла убитыми и ранеными 27 офицеров и 1300 нижних чинов. Общие же потери румын в тот день были следующие: 56 офицеров и 2500 нижних чинов, что «по отношению к наличной численности введенных в дело войск составляет 24%»¹⁴⁴. 1-я бригада 5-й пехотной дивизии потеряла убитыми и ранеными: «одного генерала, 21 штаб- и обер-офицера и 1012 нижних чинов, что при наличной численности (5000 человек) составляет около 22%». Эти сведения содер- жатся в «Описании русско-турецкой войны...»¹⁴⁵.

Паренсов вступил в полемику с румынским автором лейтенантом артиллерии Вассилиу, который утверждал, что именно пехотная бригада полковника Кантили отбила Гривицкий редут у турок, а генерал Родионов со своей бригадой опоздал, и со стороны русских в штурме участвовали только две роты¹⁴⁶. Ссылаясь на сведения военно-исторической комиссии о том, что 30 августа русские батальоны насчитывали 750 человек, Паренсов указывал, что в двух ротах было 375 человек, а потери 1-й бригады далеко превышали эту цифру. Следовательно, по его словам, румынский автор «разошелся не только с исторической истиной, но и с арифметической»¹⁴⁷.

Капитан «германской службы» Тило Лебрехт фон Трота, сочинение которого было переведено на русский язык сразу же по выходе из печати в 1878 г., отмечал, что «потери со стороны румын, состоящие из 36 офицеров и 2500 рядовых убитыми и ранеными, служат ясным доказательством храбрости и неустрашимости, с которой эта юная армия выдержала здесь крещение огнем». Но «тактическое решение атаки должно было, впрочем, последовать только при наступлении с юга русской бригады»¹⁴⁸.

Генерал-лейтенант Криденер, получив около 21:00 известие о взятии редута, приказал Шильдер-Шульднеру удержать его. Присланная Криденером саперная рота вырыла траншею для удобного сообщения с редутом из Гривицкой ложины, а также возвела два барбета* для установки орудий, т.е. за ночь приспособили редут к обороне. Главнокомандующий просил князя Карла «приказать ввести в редут артиллерию в течение ночи». По неизвестным причинам это приказание не было исполнено¹⁴⁹. Турки, трижды безуспешно пытавшиеся ночью отбить редут, утром 31 августа, после артиллерийской подготовки, пошли на его штурм. Русские полки (Архангелогородский, Вологодский и подошедшие батальоны Староингерманладского) «ровными и спокойными залпами из редута и рвов» остановили густые колонны турок в 200 шагах от редута, и после получасового жестокого огня с обеих сторон турецкие цепи, несмотря на сигналы к атаке и крики «Алла!», дрогнули и бросились назад. Подоспевшая артиллерия (4-я батарея 5-й артиллерийской бригады и 1-я батарея 3-й артиллерийской бригады), осыпая турок шрапнелью, окончательно обратила их в бегство. Затем турки открыли сильный артиллерийский огонь по Гривицкому редуту № 1, который стал стихать только к 14 час.¹⁵⁰ В 12:00 помощник начальника полевого штаба Дунайской армии генерал-майор К.В. Левицкий (1835–1890), вернувшийся от Гривицкого редута, передал главнокомандующему заявление барона Криденера о том, что он совсем не рассчитывает на содействие румын. В 14:20 флигель-адъютант ротмистр барон Унгерн-Штернберг сообщил великому князю, что в Гривицком редуте и в траншеях около него по-прежнему стоит вся 1-я бригада 5-й пехотной дивизии¹⁵¹.

Известно, что 30 августа начальник 4-й румынской дивизии полковник А. Ангелеску в 21:00 послал защитникам редута в качестве подкрепления полк доробанцев из бригады полковника Баронеску с батареей, но из-за темноты, пересеченности местности, а также нарытых впереди редута ложементов и траншей эти

* Барбёт (фр. *barbette*) — защитное сооружение вокруг артиллерийского орудия в виде насыпной площадки, прикрытой бруствером, для размещения орудий.

части подошли к нему только на рассвете¹⁵². Доробанцы не приняли участия в утреннем отражении атаки турок. В «Журнале» IX армейского корпуса записано, что около 11:00 для того, чтобы отвлечь внимание неприятеля от редута, куда должны были быть доставлены два дальнобойные румынские орудия, по распоряжению полковника Ангелеску, на позицию левее редута лихо въехала румынская дальнобойная батарея и четырьмя орудиями открыла меткий огонь по укрепленному турецкому лагерю. Турки немедленно осыпали ее картечными гранатами с фронта и левого фланга из турецких редутов № 4 и № 5, и румыны были вынуждены отойти с большими потерями¹⁵³.

В книге «Румыния в войне за независимость» сообщалось, что именно румынские командиры приняли срочные меры по организации обороны завоеванного редута, именно румыны отбили три ночные атаки турок, им же принадлежит заслуга отражения утреннего наступления турок на редут, но румынское командование не развило успеха, и войска не преследовали противника до Гривицкого редута № 2, хотя для этого имелись достаточные силы¹⁵⁴.

В труде под редакцией И.И. Ростунова не без порицания подчеркнута, что союзные войска, захватив Гривицкий редут, не развили успеха, и это позволило туркам принять меры к усилению обороны на этом направлении. В качестве доказательства приводится запись в дневнике военного министра Д.А. Милютин от 31 августа¹⁵⁵: «Гривицкий редут оставался за нами; но турки успели возвести против него новые укрепления, тогда как наши, засев в редут, во весь день ничего не сделали, чтобы прочно в нем утвердиться, и даже не ввели в него артиллерию»¹⁵⁶. Этот пассаж из дневника, на наш взгляд, ясно показывает, что Милютин был плохо информирован об этом эпизоде боевых действий, отданных приказах и возможности их исполнения, поскольку в тот день ему нездоровилось и он «держался в стороне, поодаль»¹⁵⁷. Кроме того, здесь явно проглядывает его неприязнь к великому князю Николаю Николаевичу и его штабу.

31 августа главнокомандующий приказал передать Гривицкий редут румынам, но князь Карл выразил желание, чтобы в нем была оставлена часть русских войск, вследствие чего там оста-

лись две роты Архангелогородского полка, которые комендант, румынский штаб-офицер, назначенный генералом Чернатом, «поместил в ров редута, обращенный на соседний, северный»¹⁵⁸, т.е. Гривицкий редут № 2, находившийся в 250 саженях от редута № 1. Разумеется, этих сведений нет в труде «Румыния в войне за независимость». Болгарский историк Барболов ошибался во многих, весьма существенных деталях, утверждая, что 30 августа, по договоренности с бароном Криденером, редут был предоставлен румынам и по их просьбе в нем расположились две роты архангелогородцев, что ночью сюда были доставлены орудия, и ночные атаки турок были отбиты русскими и румынами, бившимися плечо к плечу, и что молодая румынская армия получила боевое крещение и признание в зрелости¹⁵⁹.

Весьма примечательна полевая записка начальника артиллерии IX армейского корпуса генерал-майора Д. Д. Похитонова (1824–1889) генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру от 31 августа, в которой сообщалось, что четыре 4-фунтовые орудия вверенной ему артиллерии могут быть поставлены в Гривицком редуте лишь в том случае, если «гарнизон его будут составлять наши войска». Начальник артиллерии Дунайской армии генерал-адъютант князь Н. Ф. Массальский (1812–1880) не соглашался на постановку этих орудий при занятии редута румынами — им предлагалось установить в редуте свои орудия¹⁶⁰. Куропаткин, сообщая о действиях русского командования осенью 1877 г., подчеркивал, что «недоверие к румынским войскам после штурма возросло у генерала Зотова еще в сильнейшей степени, и в своих расчетах он точно игнорировал 40 румынских батальонов»¹⁶¹. Ему вторил подполковник Генерального штаба А. К. Пузыревский, почти дословно повторив констатацию Куропаткина: недоверие к румынским войскам «после штурма возросло до такой степени, что их никто почти из русских военачальников не принимал в расчетах взаимных сил»¹⁶².

Шильдер-Шульднер в полевой записке полковнику Ангелеску от 31 августа просил «прислать четыре или лучше шесть легких орудий сегодня вечером и приказать им стать в редуте осторожно. Стрелять — только при атаке турок на редут»¹⁶³. Румынские орудия (4 шт.) смогли завезти на Гривицкий редут

только в ночь на 1 сентября, когда прекратился артиллерийский обстрел. Туда же вошли и два румынских батальона, сменив уставших архангелогородцев. Вечером 31 августа из Гривицкого редута были вывезены турецкие орудия, а турецкий редутный значок был оставлен румынам¹⁶⁴, констатировалось в «Журнале» IX армейского корпуса.

Военный корреспондент Крестовский рассказал об одной торжественной церемонии, имевшей место вечером 31 августа. Главнокомандующему в присутствии князя Карла было представлено турецкое знамя, взятое в Гривицком редуте румынским егерем Грегором Иованом. «Великий князь приказал повергнуть взятое знамя к ногам князя Карла, причем конвойные казаки и роты Староингерманландского батальона прокричали троекратное “ура”. Князь Карл, в ответ на эту любезность, заметил, что “таковая почесть должна быть воздана не ему, а самому великому князю, как главнокомандующему соединенными армиями, и прибавил, что если он не предупредил подобным действием великого князя, то единственно потому, что это еще первое знамя, которое берет у неприятеля молодая румынская армия, а поэтому понятно, что ей не был еще знаком военный обычай, как поступать в таких случаях с неприятельскими трофеями”. Отказываясь от почести и заметив еще раз, что она по всем правам принадлежит князю Карлу, главнокомандующий выразил полную уверенность, что это первое знамя далеко не будет последним в числе трофеев румынской армии. Румынские солдаты, взявшие знамя, были же награждены знаками отличия военного ордена»¹⁶⁵. Любопытно, что офицер лейб-гвардии казачьего полка С.П. Полушкин, бывший свидетелем этого военного ритуала, в своих воспоминаниях не стал трудиться над его описанием, а просто воспроизвел почти дословно рассказ Крестовского, впрочем, без ссылки на его автора¹⁶⁶.

2 сентября три турецких орудия¹⁶⁷, захваченных при штурме Гривицкого редута, «по воле императора» были переданы «князю Карлу Румынскому в виду участия его войск (хотя и неудачного)»¹⁶⁸, — не без иронии подчеркнуто в «Журнале» IX армейского корпуса. Полковник Газенкампф, один из самых осведомленных авторов, заявлял, что «государь по личной просьбе князя Карла

подарил румынам взятые нашими войсками пушки и одно знамя: теперь румыны хвастаются, что они взяли эти трофеи сами»¹⁶⁹.

Румынская ставка за подписью князя Карла издала приказ от 5 (17) сентября, в котором однозначно утверждалось, что именно румыны захватили Гривицкий редут: «Воины! В бою 30 августа вы доказали, что прадедовская доблесть сохранилась в рядах румынских служилых людей. Под самым ужасным огнем противника вы мужественно, презирая ее, шли навстречу смерти, захватили редут, одно знамя и три орудия. Страна будет признательна вам за вашу преданность и самоотверженность..., хотя мы и понесли значительные потери, хотя я и оплакиваю вместе с вами гибель храбрых товарищей по оружию, павших на поле брани, но пролитая кровь не пропадет даром, она породит величие и независимость отчизны...»¹⁷⁰. Карл приказал отправить «захваченные трофеи» в Бухарест: «Знамя будет сдано в арсенал до окончательного выбора места хранения наших трофеев»¹⁷¹. «А два из захваченных у неприятеля орудия расположить по обеим сторонам памятника Михаю Храброму*. Таким образом, величественная тень славного воеводы будет видеть, что румынские воины и по сей день остались достойными сынами героев битвы под Кэлугэрени. Третье орудие установить перед большим княжеским караульным корпусом**, чтобы оно вечно служило нашей доблестной армии славным, достойным подражания примером»¹⁷².

Этот подарок Александра II (о чем румыны старались не упоминать или, напротив, заявляли, что именно румыны овладели тремя пушками в захваченном ими редуте¹⁷³) имел огромное значение для самоутверждения и поднятия духа румын, а также для славы и роста популярности румынского князя: в Бухаресте по этому случаю устроили «парад войскам для торжественного вступления орудий». «Улицы разукрасились флагами и гирляндами», «смотреть на такое торжество вышел весь Бухарест», «окна

* Михай Храбрый (Михаил Храбрый, Михаил воевода, Михай-ага) — господарь Валахии (1593–1601 гг.). 23 августа 1595 г. Михай Храбрый в ожесточенном бою разбил большое турецкое войско в болотистой и лесистой местности у д. Кэлугэрени, между Джурджу и Бухарестом.

** «Третье орудие будет поставлено перед главным корпусом казарм гвардии». См.: *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 46–47.

и балконы были наполнены зрителями и зрительницами, а толпы ликующего и восторженного народа загрохотали улицы, оставляя свободной только небольшую дорожку для торжественного шествия»¹⁷⁴, — свидетельствовал Паренсов. Эти орудия простояли в Бухаресте вплоть до его оккупации немецкими войсками (с 6.12.1916 г. по 17.11.1918 г.) во время Первой мировой войны. Турки, союзники по Тройственному союзу, вывезли свои орудия, «после чего их след был потерян»¹⁷⁵. А знамя и поныне хранится в Центральном военном музее в Бухаресте¹⁷⁶.

Как мы видим из приказа Карла от 5 сентября 1877 г., захват Гривицкого редута преподносился на официальном уровне как успех именно румынского оружия. Высшее командование без стеснения полностью «присвоило» лавры победителей, поскольку Александр II и главнокомандующий Дунайской армией инициировали подобное искажение исторической действительности. Генерал Чернат информировал румынского премьер-министра И.К. Брэтиану: «Особенно отличился 14-й полк доробанцев. Именно он ворвался первым в редут; мы по праву можем гордиться тем, что стали проявлять себя перед Европой, и все могут убедиться в том, что румыны — это героическая нация»¹⁷⁷. Газеты широко прославляли победу доблестных румынских войск, этому способствовала и наглядная пропаганда. Полковник Н.Е. Бранденбург, заведующий Артиллерийским историческим музеем в Санкт-Петербурге, 2 октября приехавший в Бухарест из-под Плевны, констатировал, что в окнах магазинов столицы Румынии «мелькали» лубочные картинки, изображавшие подвиги румын под Плевной, в первую очередь, взятие Гривицкого редута № 1. «Русских, разумеется, на картинке нет, одни румыны, окруженные огненным вихрем, лезут на редут, и во главе их со знаменем в руках — Попеску!»

Надо заметить, что иллюстрации, помещенные в книге «Румыния в войне за независимость» [«Штурм Гривицы», «Захват румынскими воинами османского боевого знамени» — Центральный военный музей, Бухарест; Овладение 30 августа (11 сентября) 1877 г. редутом Гривица № 1 — Канлы-табия], подтверждают сведения Бранденбурга, поскольку и на них не изображен ни один русский солдат. Правда, это уже далеко не лубочные картин-

ки. Бранденбург не сомневался, что Попеску — «человек храбрый и энергичный», однако при этом полковник добавлял: «...но что и насколько сами румыны виноваты во взятии редута — известно также! Во всяком случае нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что румынского храбреца в Бухаресте носили чуть не на руках, а у нас павших с ним рядом русских офицеров мало кто даже знает!»¹⁷⁸

Полковник Газенкампф писал о румынах: «Будучи беззащитными хвастунами, они разблаговестили по всей Европе (которая, из недоброжелательства к нам, охотно им поверила), что не наши, а румынские войска взяли 30 августа Гривицкий редут, тогда как на самом деле все они отстали, и только небольшая часть батальона майора Попеску ворвалась в редут вместе с нашими войсками»¹⁷⁹.

Спешившая на Балканы русская гвардия наблюдала это ликование в Румынии, о чем поведали впоследствии многие офицеры. Офицер л.-гв. Преображенского полка А. А. Берс (1844–1921) указывал, что передача Гривицкого редута в распоряжение румын для занятия в нем караула послужила «поводом к хвастливым разглашениям в Бухаресте, что будто бы Гривица была взята румынами, а турецкие орудия, подаренные румынам и привезенные ими в Бухарест, окончательно вскрыжили им головы»¹⁸⁰.

Подпоручик л.-гв. Павловского полка Н. Н. Путилов констатировал, что в то время «румыны были опьянены победой — взятием Гривицкого редута, который они приписывали исключительно своим войскам. Они кричали об этом на всех перекрестках, писали об этом невероятные вещи в своих журналах и, чтобы еще рельефнее выставить эту воображаемую храбрость своих новых войск, унижали и втоптывали в грязь наших солдат, крича об их трусости»¹⁸¹. Путилов рассказывал, что чем дальше гвардейские полки продвигались от границы в глубь Румынии, «тем чаще стали попадаться эти проявления безумной радости и тем чаще и тем грубее были формы, в которые были облечены эти проявления. В самохвалении румын неподражаем. Всё у себя он видит в блестящем виде, всем он хвастает перед нами, русскими — варварами. Он возносит себя над нами, чванится своими великими предками, и неумоимо толкует о своем родстве с Ев-

ропой, и никоим образом не допускает в нас ни образования, ни развития». Путилов описал характер румын, с которыми он беседовал: румын «горд, напыщен, когда чувствует свою силу; слаб, малодушен, принижен и услужлив, когда он вас боится». Офицеры гвардии с удивлением и негодованием слушали речи, в которых их собеседники «в своем увлечении» утверждали, что «могущественная Румыния объявила туркам войну в союзе с не менее могущественной Россией. Не румыны к нам приданы, а мы к ним», что они «призваны, чтобы играть роль и со временем займут первенствующее положение в Европе»¹⁸². Русских офицеров поначалу оскорбляли подобные заявления, а затем они стали отвечать презрительным смехом, поскольку убедить собеседников в обратном было просто невозможно.

Вас.И. Немирович-Данченко посетил редут через несколько дней после сражения 30 августа. Румынские солдаты приветствовали корреспондента и его спутников «русским здравствуй». Офицер, «румын парижской отделки», стал рассказывать историю взятия Гривицкого редута, в которой, «к крайнему нашему удивлению, действующими лицами оказались вовсе не Архангелогородский и Вологодский полки, а именно батальоны румын, опоздавшие к бою». «Мы молча выслушали это»¹⁸³, — сообщил о реакции своей и других русских посетителей Немирович-Данченко.

А вот П.М. Гудим-Левкович, кавалерийский офицер, ординарец при генерал-лейтенанте П.Д. Зотове, не молчал. В своих воспоминаниях, в отличие от военных корреспондентов, он писал, что турки были выбиты из Гривицкого редута «нашей бригадой, румыны же подоспели позже, то есть тогда, когда этот редут перешел окончательно в наши руки». «Тем не менее, по свойственному нам великодушию или же по политическим соображениям, честь этого дела была всецело приписана румынам, и даже четыре крупновские пушки большого калибра, бывшие в редуте, были отданы румынам в виде трофея. Все мы очень хорошо знали это, иные из нас негодовали, а другие, более хладнокровные, только улыбались». Гудим-Левкович сообщил о своем разговоре с начальником штаба румынской армии, с которым он сидел рядом за обедом у князя Карла спустя несколько дней. Русский

офицер и прежде встречался с румынским, а тут он решил прямо спросить соседа об этом инциденте: «Скажите, пожалуйста, мой генерал, каким образом случилось, что ваши войска опоздали к штурму Гривицкого редута?» Неожиданность вопроса, заданного «с таким видом, как бы речь шла о факте общеизвестном», застала румына врасплох, и он ответил: «Наши войска были по ошибке направлены не на так называемый Гривицкий редут, а на соседнее с ним небольшое укрепление, потерпев при этом значительные потери. Когда же ошибка была замечена, то поспевать за вашими было уже поздно»¹⁸⁴.

Вероятно, князь Карл, несмотря на всячески пропагандируемую официальную версию о взятии Гривицкого редута румынами, чувствовал необходимость доказать храбрость своих солдат. Уже 31 августа, при вручении ему знамени, он объявил, что «после ознакомления его войск 30 августа с расположением редутов, румынские войска на днях возьмут штурмом соседний с Гривицким редут»¹⁸⁵.

Тем временем, 3 сентября князь Карл приезжал к русскому императору и поднес ему вновь установленный орден «Звезды Румынии»*, который был принят Александром II к «великому удовольствию румын». Князь Карл получил орден св. Георгия 3-й степени и был чрезвычайно счастлив¹⁸⁶, сообщил полковник Скалон. Генерал Чернат тоже был «украшен» св. Георгием 4-й степени — ««для поощрения», как выразился великий князь»¹⁸⁷.

Турки не могли смириться с тем, что они потеряли Гривицкий редут № 1, так как это значительно ослабляло оборону северовосточного фронта их позиций, поэтому из соседнего, Гривицкого редута № 2 периодически организовывались атаки. Так, 1 сентября в 22:30 после массивной артподготовки их наступление, рассчитанное на неожиданность, было отбито, главным образом, усилиями русских рот, размещенных во рву редута, и войсками IX корпуса. «Участие румын при отражении атаки было ни-

* Орден Звезды Румынии (рум. *Ordinul Steaua României*) — высшая государственная награда Румынии. Он был учрежден в 1864 г. князем А. Кузой в шести степенях: Большой Крест, Крест I класса, Большой Офицерский Крест, Командорский Крест, Офицерский и Рыцарский Кресты. Дворцовый переворот в 1866 г. не позволил А. Кузе соблюсти все формальности при его создании. Князь Карл своим высочайшим декретом от 11.08.1877 г. «вторично» учредил орден уже в пяти степенях (исчез Крест I класса).

чтожным по недоразумению», — констатировалось в «Журнале» IX корпуса. Дело в том, что нападение турок совпало по времени со сменой румынских войск в редуте (они сменялись ежедневно): после первых выстрелов турецкой цепи и усиленного обстрела редута шрапнелью большая часть румынских рот, находившихся в редуте, начала выходить оттуда, несмотря на старания русских и румынских офицеров «воспрепятствовать этому несвоевременному выступлению». После того, как штурм турок был отбит, в редут вошли два свежих румынских батальона. Потери русских: двое убитых и двое раненных нижних чинов; у румын — один убитый и трое раненых¹⁸⁸. Так точно эта атака была описана и в труде А. Куропаткина «Блокада Плевны»¹⁸⁹.

Атаки турок безуспешно повторялись и в следующие дни (2 и 3 сентября). 4 сентября около 23:00 с соседнего редута они предприняли вылазку на румын, занимавшихся аппрошными* работами. Тотчас же были присланы три роты из резерва 121-го Пензенского полка** в распоряжение румынского коменданта, который выдвинул их за румынскую траншею. Турки, увидев русских, сразу ретировались. Румынский комендант возвратил в полк одну роту пензенцев, а две другие оставил во рву перед редутом. Командир Пензенского полка потребовал от румына письменного заявления, но комендант от этого уклонился, и только через два дня генерал Чернат лично заявил барону Криденеру о желании князя Карла, чтобы в Гривицком редуте постоянно находились две русские роты (сначала от Пензенского полка, затем от Вологодского)¹⁹⁰.

«Служба во рву была весьма трудная: весь почти день перестрелка, а ночью отбитие турецких вылазок, нападавших довольно часто на аппрошные румынские работы»¹⁹¹, — констатировалось в «Журнале военных действий IX корпуса». 11 сентября в штаб IX корпуса пришло письмо от полковника Ангелеску,

* Апро́ши (фр. *approche*) — зигзагообразные траншеи, с насыпью по краю, облегчающие приближение к осажденному городу.

** 4 сентября 1-я бригада 31-й пехотной дивизии (Пензенский и Тамбовский пехотные полки) сменила 1-ю бригаду 5-й пехотной дивизии, т.е. Архангелогородский и Вологодский полки, которые бесценно находились в первой линии в течение 10 дней, приняли участие в штурме Плевны, потеряв свыше 1000 человек. Эти полки были отведены на отдых в резерв к Гривице.

в котором он заявлял о необходимости постоянного пребывания двух русских рот в Гривицком редуте¹⁹². «Горячее желание союзников видеть у себя в редуте русские штыки формулировалось, впрочем, довольно громкой фразой — «слияние обеих армий!» Такие похвальные чувства принимались, однако, зоилами* наших военных кружков почему-то с лукавыми улыбками... Зоилы, видимо, не доверяли вышине идеи «слияния» и видели тут что-то другое... Тем не менее, стремление к этому «слиянию» со стороны румын выражалось и позже, когда им одним пришлось остаться обладателями Гривицкого редута», — свидетельствовал полковник Н.Е. Бранденбург и добавлял не без иронии: «Две роты имели связать с нами воедино целый корпус румын, в рядах которого насчитывалось до 40000!»¹⁹³

Следует отметить, что 18 сентября командир 121-го пехотного Пензенского полка полковник Конаржевский подал начальнику 1-й бригады 31-й пехотной дивизии генерал-майору С.Д. Белокопытову (1822–1889) рапорт, в котором обращал внимание на тяжелое положение рот, занимавших в редуте самый опасный (обращенный к неприятелю) и наихудший участок с точки зрения безопасности и санитарно-гигиенических условий: ров прикрывал человека немного более половины, а вырыть его глубже было нельзя, так как в нем закопаны были почти у самой поверхности трупы. Расширить ров и насыпать новый гласис** было очень опасно, поэтому требовалось поставить туры и мешки с землей, чтобы солдаты и офицеры могли стоять, а не сгибаться или почти ползти. Необходимо было позаботиться и об устройстве безопасного нужного места (туалета). Полковник подчеркивал, что румыны ничего не предприняли и не предпринимают для устранения этих недостатков¹⁹⁴. Запись в дневнике генерал-лейтенанта Зотова от 21 сентября сообщает о дальнейшем ходе этого дела. Белокопытов поставил в известность Зотова и главнокомандующего о том, что «румыны обращаются самым безжалостным

* Зоил (др.-греч. Ζωῖλος) — оратор, греческий философ (киник), литературный критик IV–III вв. до н.э., родом из Амфиополя (Фракия). Зоил — нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного.

** Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости; ее возводили с целью улучшения условий обстрела впереди лежащей местности, маскировки и защиты укрепления.

и бесцеремонным образом с двумя ротами, ассигнованными им в Гривицкий редут для поддержания их храбрости». «Траншеи эти так мелки, что люди всё время должны сидеть скорчившись. В две недели эти роты, переменяющиеся ежедневно, потеряли уже 2 офицеров и 81 нижних чинов. Сами же румыны стоят в резерве, в редуте». Главнокомандующий оставил это заявление без внимания. Зотов прокомментировал подобную ситуацию следующим замечанием: «Мы всё рыцарствуем, снисходим ко всем, а потому с нами все и позволяют себе делать, что хотят. Ведь это оскорбительно»¹⁹⁵. Роты продолжали нести свою нелегкую службу «для подачи бодрости румынам», «да оно и вернее для сохранения редута»¹⁹⁶, подчеркивал начальник 31-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.Н. Вельяминов в записке начальнику штаба IX армейского корпуса от 3 октября. Необходимо заметить, что поблизости от редута находились достаточные силы румынской резервной дивизии, переименованной 9 сентября во 2-ю пехотную дивизию¹⁹⁷.

Вечером 5 сентября командир IX армейского корпуса барон Криденер получил записку генерал-лейтенанта Зотова о том, что 6 сентября в 13:30 румынские войска будут штурмовать Гривицкий редут № 2. Главнокомандующий желал, чтобы русские войска оказали румынам всевозможное содействие: осадная и полевые батареи должны открыть огонь по укрепленному лагерю турок с утра и особенно его усилить к 13:00, а в 13:30 пехота должна сделать демонстрацию против этого лагеря с южной стороны редута. «И вообще быть готовым поддержать румын в случае неблагоприятного для них оборота дел»¹⁹⁸.

Военный историк полковник Генерального штаба Мартынов отмечал, что намеченная атака румын прямо противоречила принятому на военном совете 1 сентября общему плану действий, т.е. стратегической обороне до подхода гвардии. Князь Карл понимал, что «взятие одного турецкого укрепления не может привести к падению Плевны, но он считал этот частный успех необходимым для того, чтобы поднять дух своей молодой армии»¹⁹⁹.

6 сентября с утра было пасмурно, и густой туман едва рассеялся к 9 час., когда артиллерия начала обстрел и сумела зажечь пожар в турецком лагере (в 12 час.). Ровно в 13:30 румынские вой-

ска (6 батальонов пехоты 4-й дивизии) двинулись к Гривицкому редуту № 2 по устроенной к нему широкой траншее, из которой движение продолжалось траншеями, направленными к турецкому редуту. 1-я бригада 31-й пехотной дивизии быстро заняла позиции с левого фланга. «Атака румынских войск велась неудачно, несмотря на бойкость передовых частей»²⁰⁰. Румынский комендант прислал к генерал-лейтенанту Вельяминову унтер-офицера с известием, что наступление отбито и что комендант просит прислать в редут русский батальон сверх двух рот, постоянно находившихся в укреплении. В дневнике 31-й пехотной дивизии зафиксировано, что в 16 час. от коменданта пришел переводчик и сообщил, что комендант просил одним батальоном полка атаковать турецкий редут с левого фланга, в то время как румыны атакуют его с правого. Командир 1-й бригады 31-й пехотной дивизии генерал-майор Белокопытов потребовал от румынского коменданта письменно изложить просьбу. Получив таковую, Белокопытов приказал 1-му батальону Пензенского полка двинуться на Гривицкий редут № 2 с левого фланга. Не доходя до ложементов шагов сто, батальон был встречен сильнейшим артиллерийским огнем — около 100 картечных гранат разорвалось над ними. Румыны, находящиеся в ложементах, испугавшись этого огня, разбежались. Батальон по приказанию командира полка лег, ожидая сигнала к атаке, но ее отменили²⁰¹.

В «Журнале» IX армейского корпуса отмечалось, что начальник штаба этого корпуса генерал-майор Липинский, прежде чем посылать в наступление колонны 31-й дивизии, отправился к генералу Чернату, который сообщил, что «румынские войска сегодня штурмовать более не будут». Румынские офицеры «называли их неудачный штурм усиленной рекогносцировкой и объясняли, что настоящий штурм будет в непродолжительном времени». Румыны потеряли более 300 солдат и до 20 офицеров. «Общее сожаление вызывали убитые три офицера румынского Генерального штаба, шедшие впереди с охотниками»²⁰², — заканчивал рассказ о румынском штурме автор «Журнала» IX армейского корпуса.

В тот день Архангелогородский полк стоял в резерве за румынами под огнем (из строя выбыло 8 человек), но в наступление не переходил, «потому что румыны хотели доказать, что они одни

могут взять редут, но это им не удалось, они были отбиты»²⁰³, — прокомментировано в «Журнале военных действий и походов 17-го Архангелогородского полка». «Атака была ведена вообще крайне слабо, хотя повторялась четыре раза. По желанию князя Карла, предполагавшего повторить атаку с наступлением сумерек, русские войска остались в боевом порядке до 19 час., угрожая атакой. Но предположенная атака румын произведена не была»²⁰⁴, — констатировал полковник Газенкампф в «Журнале военных действий против Турции...». Потери русских составили 66 человек убитыми и ранеными²⁰⁵. Начальник Западного отряда Зотов записал в своем дневнике: «Собственно штурма никакого не было, румыны перебежали из задних траншей в передние, открывали из них огонь по турецким траншеям и убегали назад. Вся потеря, в сущности, наполовину против показанной, произошла во время этих перебежек и в резервах, которые поразились турецкими гранатами»²⁰⁶.

Разумеется, таких сведений мы не найдем в упоминавшемся выше сочинении Вакареску, где штурм 6 сентября Гривицкого редута № 2 представлен вполне героически: румыны в результате ожесточенной рукопашной схватки очистили ров от турок, несколько раз пытались взойти на бруствер, но убийственный огонь заставлял их отступить. В 17 час. бой прекратился, румыны потеряли 20 офицеров и 575 нижних чинов убитыми и ранеными²⁰⁷. И вновь автор ни словом не обмолвился о том, что артподготовка велась не только румынской артиллерией, но и русской, и что выступившие на позиции русские полки оттянули на себя часть турецких войск. С упорным постоянством Вакареску отвергал или не замечал действенную поддержку русских войск при всех неудавшихся штурмах румынами редута! Авторы труда «Румыния в войне за независимость» точно следовали примеру коллеги из XIX века — не сообщили ни о просьбе румынского командования, чтобы русские войска поддержали их атаку, ни о самой поддержке²⁰⁸. Следует обратить внимание на то, что многие русские дореволюционные военные историки описывали атаку румын 6 сентября, беря за основу труд Вакареску, а не журналы военных действий русских частей, например, IX армейского корпуса или Архангелогородского полка²⁰⁹.

П.М. Гудим-Левкович, в свою очередь, вспоминал: «Наши союзники румыны в течение первых двух недель сидения под Плевной два или три раза собирались атаковать турецкий редут, расположенный напротив занятого ими (?) Гривицкого редута, назначались даже дни атаки, но дело всё как-то не ладилось». Однажды (Гудим-Левкович не указал число) князь Карл пригласил русских офицеров к обеду с тем, чтобы позднее присутствовать при штурме Гривицкого редута № 2. «Перед закатом солнца румынские войска были придвинуты к месту атаки, часть же наших войск заняла гребень соседней горы для поддержания румын, если в этом окажется надобность. Произошло, однако, нечто крайне забавное: румыны спустились в балку, отделявшую один редут от другого, заняли там пустовавшую траншею и пролежали в ней до наступления ночи и под кровом благодатной тьмы вернулись обратно. Пресловутый штурм этим и ограничился»²¹⁰.

Надо сказать, что румыны предприняли несколько подобных атак на Гривицкий редут № 2 (например, 7 октября, о чем сообщалось выше) и всё с тем же постоянным «успехом». «Редуту этому, вероятно, не суждено перейти в их руки, а то-то было бы хвастовства и ликований в Бухаресте!»²¹¹ — писал полковник Бранденбург.

Куропаткин утверждал, что «число защитников в Гривицком редуте № 2 не могло быть значительным, вероятно, не более двух батальонов». Хоть турки укрепляли этот редут, но «его профили были не особенно сильные», и «взятие этого редута открытой силой при тех благоприятных нападающим условиях, в которых вели атаку румыны, не представляет особенно сложной, трудной и редко встречающейся в боевых хрониках задачи. Но, несомненно, то, что для выполнения подобной задачи необходимы были не многочисленные числом, но отборные по качеству войска», — подчеркивал военный историк. «В молодой румынской армии не было недостатка в храбрцах и даже в отборных частях», но их атака вовремя не поддерживалась главными частями войск и, отступая, они увлекали за собой даже те части, которые еще не участвовали в бою²¹². Спустя годы, анализируя обстановку под Плевной, Куропаткин утверждал: «Нет сомнения, что, включи генерал Тотлебен взятие Гривицкого редута № 2 в свои соображе-

ния и помощи румынам войсками IX корпуса, редут был бы взят и вместе с тем обеспечивались бы и все выгоды овладения нами остальными редутами северного фронта турок»²¹³.

Следует подчеркнуть, что Александр II был весьма невысокого мнения о румынских войсках. Военный министр Милютин сообщил, что ночью 30 октября он пришел по вызову царя и застал того на балконе, «слушающего с беспокойством сильную пальбу со стороны Плевны, не только артиллерийскую, но и ружейную. Государя преследовала мысль, что турки сделают вылазку против румын, на стойкость которых нельзя слишком полагаться»²¹⁴.

В ночь на 28 ноября турецкий гарнизон скрытно покинул Гривицкий редут № 2, куда с рассветом вошли румыны и две роты Пензенского полка. 28 ноября после ожесточенного сражения с гренадерским корпусом у р. Вид Осман-паша и его войска сдались, Плевна пала.

Таким образом, представленный нами материал из многочисленных опубликованных источников убедительно свидетельствует о том, что 30 августа Гривицкий редут № 1 с боя захватили именно русские полки — Архангелогородский и Вологодский, что румынские батальоны, несмотря на значительные потери, не смогли в тот день выполнить поставленной перед ними задачи, что предпринятые затем (в сентябре и октябре) попытки румын «самостоятельно» (хотя и при существенной поддержке русских войск артиллерийским огнем и внушительными демонстрациями) овладеть Гривицким редутом № 2 не увенчались успехом.

Из документов также следует, что князь Карл отдавал себе отчет в том, что румынским батальонам не удержать Гривицкий редут № 1. Именно на русские роты, приданные румынам по его просьбе и размещенные румынским комендантом в самом опасном месте — траншеях перед редутом, легла основная тяжесть отражения турецких атак. При этом румынские офицеры, сберегая румынских солдат, явно не дорожили союзниками, чему в немалой степени способствовало попустительство со стороны высшего русского командования. Какое же это русско-румынское боевое содружество?!

Итак, на основании выявленных в источниках доказательств можно с уверенностью констатировать, что главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сознательно подарил победу — захват русскими войсками Гривицкого редута № 1 — румынскому князю Карлу, вероятно, исходя из политических и дипломатических соображений, но главным образом, на наш взгляд, из стремления поддержать престиж румынского князя в его армии и государстве с целью упрочения княжеских властных позиций. Дар Александра II — турецкие орудия — был сделан из тех же резонансов. Не следует забывать, что князь Карл, урожденный принц Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, представитель католической швабской ветви рода Гогенцоллернов, стал монархом Румынии в результате дворцового переворота и низложения в 1866 г. Александра Иона Кузы. Нестабильность положения князя Карла провоцировалась многими факторами, в том числе и неприязнью некоторых влиятельных боярских семей к иностранцу, ставшему во главе государства. В 1871 г., в связи с антидинастическими выступлениями в Румынии, ему пришлось даже поставить ультиматум перед Национальным собранием: либо будет положен конец беспорядкам, либо он отречется от престола.

В нашем исследовании приведена лишь небольшая, хотя и значимая часть распоряжений русского командования во время русско-турецкой войны, из которых следует, что русский генералитет достаточно низко оценивал боевые качества пехоты «молодого румынского войска», не проявившей надлежащей стойкости и мужества в сражениях, не имевшей или еще не приобретшей понимания и чувства взаимовыручки — казус с отказом румын вынести с поля боя раненных однополчан весьма показателен. Лишь румынская артиллерия, по оценкам русских военных, действовала достойно и с высоким профессионализмом.

Дореволюционные военные историки при описании действий румынской армии вполне доверяли сочинению Вакареску, поэтому в их трудах отразилась его версия. Многие болгарские ученые второй половины XX в. при изложении событий 30 августа 1877 г. и последующего участия румынской армии в русско-турецкой войне ссылались на соответствующие компетентные дореволюционные издания («Описание русско-турецкой

войны...», монографии Паренсова, Мартынова и др.), а также широко привлекали исследования румынских ученых. Румынская версия продолжала, таким образом, закрепляться в историографии. Советским историкам приходилось придерживаться «установки» на боевое русско-румынское содружество, поэтому в их исследованиях нет и намека на иное развитие событий в сражении за Гривицкий редут. Про румынскую литературу не стоит и говорить, поскольку в ней всегда воспевался триумф румынского оружия и игнорировались иные мнения. Но пришло время, чтобы этот исторический миф, созданный в прошлом из политических соображений, исчез, наконец, из современного научного пространства.

Примечания

- ¹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986. С. 314–320, 339–340; История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М.: URSS, 2013. С. 282–287.
- ² Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 97. СПб.: Первая Женская типография т-ва «Печатного Станка», 1911. С. 86.
- ³ *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 1. СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1913. С. 288.
- ⁴ *Игнатъев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. С. 216.
- ⁵ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. С. 208.
- ⁶ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 5. СПб.: Военная типография, 1903. С. 80–81.
- ⁷ См.: *Куропаткин А.Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб.: Военная типография, 1885; *Гейсман П.* Славяно-турецкая война 1876–77–78 гг. и ее значение в истории развития Восточного вопроса. Ч. 2. Кн. 1. СПб.: В.А. Березовский, 1889; *Паренсов П.* Из прошлого. Воспоминания офицера Ген. штаба. СПб.: В. Березовский, 1904. Ч. 2. С. 412–418.
- ⁸ *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 109.
- ⁹ *La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique des opérations des armées russes et turques en Europe, en Asie et sur les côtes de la Mer Noire par un tacticien auteur de plusieurs ouvrages militaires.* Paris: J. Dumaine. 1879–1885.
- ¹⁰ *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война и Румъния. 1877–1878. София: Народна просвета, 1987.
- ¹¹ *Hozier H.M.* The Russo-Turkish war: Including an account of the rise and decline of the Ottoman power and history of the Eastern question. In 2 vol. V. 2. Pt. 4. London: Mackenzie, 1878. P. 680; *Farcy Camille.* La guerre sur le Danube (1877–1878). Paris: A. Quantin, imprimeur-éditeur, 1879. P. 325; *Тромпа, Тило Лебрехт фон.* Борьба под Плевной. Пер. с нем. под ред. полк. Н.П. Нечаева. М.: Мартынов, 1879. С. 72–73; *Greene F.V.* The Russian Army and its Campaigns in Turkey. New

- York: D.Appleton and Company, 1879. P. 245; *La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique...* Paris: J. Dumaine, 1880. Vol. 2. P. 143; *Fyffe Ch.A.* A history of modern Europe. Vol. 3. From 1848 to 1878. London: London [etc.]: Cassell, 1892. P. 501; Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 5. С. 183; *Wæstyne de Grammez de Wardes, van de.* La guerre russo-turque, 1877–1878. Paris: Ollendorff, 1903. P. 159. *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140; *Maurice F.* The Russo-Turkish war, 1877: a strategical sketch: with 3 maps / by major F. Maurice. Swan Sonnenschein & Co., 1905. P. 226–227; *Дружинин К.И.* Русско-турецкая война // История русской армии и флота. М.: Моск. кн. изд. т-во «Образование», 1913. Т. 11. С. 107–108; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. С. 245; *Михова Хр.* Принюсът на румънския народ за освобождението на България от турско робство // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: изд-во на БКП, 1958. С. 209; История Румынии нового и новейшего времени. М.: Наука, 1964. С. 72; *Бескровный Л.Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освободительная борьба балканских народов // Вопросы истории (далее — ВИ). 1967. № 6. С. 41; *Бериндеи Д.* Участието на Румъния в освободителната война // Освобождението на България. 1878–1968. София: Изд-во на БАН, 1970. С. 52; История Румынии: 1848–1917 / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1971. С. 237; *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875–1878. М.: Наука, 1974. С. 270; Русско-турецкая война 1877–1878 гг./ отв. ред. И.И. Ростунов. М.: Воениздат, 1977. С. 142; *Петров П.Хр.* Действия на Западния отряд при Никопол и Плевен // Военноисторически сборник. 1977. № 2. С. 62; *Жеичев Н.* Румъния и руско-турска война 1877–1878 // Военноисторически сборник. 1977. № 2. С. 101; *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Мысль, 1978. С. 177; Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1987. С. 218; *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз Восточного кризиса. М.: Amini Fortitudo, 2005. С. 58.
- 12 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // Военный сборник (далее — ВС). 1886. № 9. С. 43.
- 13 *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4-х томах. М.: Голос, 1993. С. 223.
- 14 *Lecomte F.* Guerre d'Orient en 1876–1877. Lausanne: B. Benda, Libraire-Editeur, 1878. Т. 2. P. 248; *Crane St.* The Siege of Plevna // Great Battles of the World. London: Chapman & Hall Limited, 1901. P. 43–44; Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест: Военное издательство, 1983. С. 185; Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. С. 344; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Марин Дринов, 2007. С. 306–307.
- 15 История Румынии / координаторы Иоан Аурел Поп, Иоан Болован. М.: Изд-во «Весь мир», 2005. С. 476.
- 16 *Crowe J.H.V.* Plevna // Encyclopædia Britannica. Vol. 21 (11th ed.). Cambridge University Press, 1911. P. 839.
- 17 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie (1877–1878). Pages de l'histoire de l'armée roumaine. București: Editura academiei Republicii Socialiste România, Editura militară a ministerului apărării naționale, 1976. P. 156.
- 18 *Трайков В.* Обявяване на независимостта на Румъния и участието ѝ във войната от 1877–1878 г. // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 65.
- 19 Румыния в войне за независимость. 1877–1878. С. 188.
- 20 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 81.
- 21 Там же. С. 98–99, 101.
- 22 *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг.: Ч. 1. Ч. 2. Война в Сербии. Война в Болгарии: Воспоминания и рассказы из событий последних войн: В 2 ч. СПб.: И.Л. Тузов, 1879. С. 544.

- 23 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 108–109.
- 24 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 213.
- 25 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания. С. 298.
- 26 Там же. С. 297.
- 27 *Игнатъев Н.П.* Походные письма... С. 256–257.
- 28 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 133.
- 29 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. Война 1877–1878 г. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 152.
- 30 Там же. С. 153–157.
- 31 Там же. С. 221.
- 32 *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 года. М.: т-во И.Д. Сытина, 1902. С. 88.
- 33 *Фортунатов П.К.* Война 1877–1878 г. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. С. 118.
- 34 *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война... С. 243.
- 35 СМ. Вып. 2. СПб.: Военная типография, 1898. С. 380.
- 36 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 171.
- 37 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 108.
- 38 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 173.
- 39 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции / под ред. генерал-майора Зыкова. СПб.: Типография министерства путей сообщения, 1881. Т. 1. С. 346.
- 40 *La guerre d'Orient en 1877–1878. Étude stratégique et tactique...* Paris: J. Dumaine, 1880. Vol. 2. P. 124; *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война... С. 240; *Furneaux R.* The siege of Plevna. London: A. Blond, 1958. P. 112; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 141.
- 41 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 107.
- 42 Румыния в войне за независимость. С. 173.
- 43 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 172.
- 44 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 109.
- 45 Там же. С. 157–160.
- 46 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании 1877–1878 годов (Извлечение из сочинения подполковника румынской службы Вакареску). Подполковник Гарф // ВС. 1889. Т. 188. № 6. С. 247; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 175, 177.
- 47 Румыния в войне за независимость. С. 180; *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война и Румъния. 1877–1878. София: Народна просвета, 1987. С. 118.
- 48 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 346.
- 49 *Бериндеи Д.* Участието на Румъния... С. 52.
- 50 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 108.
- 51 Румыния в войне за независимость. С. 197; *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война... С. 119.
- 52 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... С. 248; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 178.
- 53 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 114.
- 54 СМ. Вып. 41. СПб.: Военная типография, 1903. С. 148.
- 55 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны (дневник русского корреспондента) 1877–1878. Т. 2. СПб.: Новое время, 1878. С. 116; Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 346–347.

- 56 *Верещагин В.В.* На войне. С. 92.
- 57 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... С. 248.
- 58 СМ. Вып. 2. С. 383.
- 59 СМ. Вып. 3. СПб.: Военная типография, 1898. С. 128.
- 60 СМ. Вып. 20. СПб.: Тип. «Бережливость», 1901. С. 14.
- 61 *Вонлярлярский В.М.* Воспоминания ординарца о войне 1877–1878 г. СПб.: Коммерческая скоропечатня преemn. Е. Тиля, 1891. С. 135.
- 62 *Верещагин В.В.* На войне. С. 118.
- 63 Румыния в войне за независимость. С. 196.
- 64 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 172–173.
- 65 Цит. по: *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 115.
- 66 СМ. Вып. 2. С. 384.
- 67 Там же.
- 68 Там же.
- 69 Там же. С. 385.
- 70 Там же. С. 386.
- 71 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 168–169.
- 72 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 50.
- 73 *Мартынов Е.* Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: издал В. Березовский, 1900. С. 102–103.
- 74 СМ. Вып. 48. СПб.: Военная типография, 1906. С. 101–102.
- 75 СМ. Вып. 3. С. 228–229.
- 76 Там же. С. 229–230. Об этом подвиге написал и А.Н. Куропаткин. См.: Куропаткин А. Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 37.
- 77 *Самойлов С.И.* Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов // ВИ. 1959. № 2. С. 98; История Румынии: 1848–1917. С. 241–242; *Залышкин М.М.* Внешняя политика Румынии... С. 272.
- 78 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / отв. ред. И.И. Ростунов. С. 143–144.
- 79 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 188. № 7. С. 49–50.
- 80 Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 6. СПб.: Военная типография, 1911. С. 147.
- 81 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 230.
- 82 *Вонлярлярский В.М.* Воспоминания ординарца... С. 138–139.
- 83 *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. С. 162.
- 84 *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война 1877–1878 (преглед на военните действия). София: Изд-во на БКП, 1958. С. 256.
- 85 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 51–52.
- 86 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 169.
- 87 Там же.
- 88 СМ. Вып. 20. С. 14.
- 89 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 170.
- 90 СМ. Вып. 20. С. 14.
- 91 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 173.
- 92 СМ. Вып. 41. СПб.: Военная типография, 1903. С. 104.

93 Там же.

94 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 182; *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 123.

95 СМ. Вып. 41. С. 104.

96 Там же. С. 105.

97 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 182.

98 СМ. Вып. 3. С. 130.

99 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 126–127, 133.

100 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 176.

101 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 135.

102 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 117.

103 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 347; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 240.

104 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 177–178.

105 Там же. С. 178, 181.

106 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 133.

107 СМ. Вып. 3. С. 387.

108 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию «Правительственный вестник». Изд. исправ. и доп. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1879. Т. 2. С. 85.

109 Румыния в войне за независимость. С. 185.

110 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 181–182.

111 Там же. С. 182.

112 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 86.

113 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 349.

114 СМ. Вып. 3. С. 131.

115 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.

116 *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: Пресс, 1979. С. 152.

117 Румыния в войне за независимость. С. 185.

118 СМ. Вып. 41. С. 109.

119 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140; *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 241.

120 СМ. Вып. 3. С. 387.

121 Там же.

122 СМ. Вып. 41. С. 142.

123 *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // Русская старина. 1907. Т. 129. № 2. С. 311; СМ. Вып. 41. С. 190.

124 *Vassiliou P.St.* Operations de l'armée roumaine pendant la guerre de l'indépendance. Journal d'un officier. Paris: Librairie militaire de J. Dimaine, 1880. P. 79.

125 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 187. № 6. С. 249.

126 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 186; *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 139.

127 СМ. Вып. 3. С. 131–132.

128 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 86.

- 129 Война 1877 и 1878 гг. в Европейской Турции. С. 348.
- 130 *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на освободителната война... С. 241.
- 131 *Пенкова Е.* Трите щурма на Плевен. 19 юли — 12 септември 1877 г. Плевен: Военно-исторически музей — Плевен, 1963. С. 32.
- 132 *Greene F.V.* The Russian Army... P. 245.
- 133 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 117.
- 134 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 96.
- 135 *Wæstyne de Grammez de Wardes, van de.* La guerre russo-turque, 1877–1878. P. 159.
- 136 *Le Faure A.J.* Histoire de la guerre d'Orient (1877–1878). Paris: Garnier Frères, 1878. Vol. 1. P. 471–472.
- 137 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.
- 138 *Квитка А.В.* Записки казачьего офицера. С. 182–183.
- 139 Там же. С. 218.
- 140 Там же. С. 219.
- 141 Там же.
- 142 СМ. Вып. 3. С. 131; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 183.
- 143 СМ. Вып. 3. С. 132.
- 144 *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 187. № 6. С. 249; Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 179.
- 145 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 187.
- 146 *Vassiliou P.St.* Operations de l'armée roumaine... P. 78–79.
- 147 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 140.
- 148 *Трота, Тило Лебрехт фон.* Борьба под Плевной. С. 72.
- 149 СМ. Вып. 2. С. 388.
- 150 СМ. Вып. 3. С. 141
- 151 СМ. Вып. 2. С. 395.
- 152 Описание русско-турецкой войны... Т. 5. С. 183.
- 153 СМ. Вып. 3. С. 141.
- 154 Румыния в войне за независимость. С. 185–187.
- 155 Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 142.
- 156 *Милютин Д.А.* Дневник. С. 214.
- 157 Там же.
- 158 СМ. Вып. 3. С. 145–146; Вып. 41. С. 147.
- 159 *Барболов Г.* Руско-турската освободителна война... С. 121.
- 160 СМ. Вып. 41. С. 144.
- 161 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1885. № 2. С. 188.
- 162 *Пузыревский А.К.* Десять лет назад. Война 1877–1878 гг. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1887. С. 46.
- 163 СМ. Вып. 41. С. 144–145.
- 164 СМ. Вып. 3. С. 146.
- 165 *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 107.
- 166 *Полушкин С.П.* Записки лейб-гвардии казачьего офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). Т. 6. СПб., 1879. С. 29–30.

- 167 Крестовский указал, что царь подарил румынам два турецких орудия // *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев... Т. 2. С. 107.
- 168 СМ. Вып. 3. С. 160.
- 169 *Газенкампф М.А.* Мой дневник. С. 163.
- 170 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 171 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 46.
- 172 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 173 *Berindei D.* La guerre d'indépendance de la Roumanie. P. 156.
- 174 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 475.
- 175 Румыния в войне за независимость. С. 198.
- 176 *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 152.
- 177 Цит. по: Румыния в войне за независимость. С. 189.
- 178 *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста // СВР. Т. 3. СПб., 1879. С. 40.
- 179 *Газенкампф М.А.* Мой дневник. С. 162–163.
- 180 *Берс А.А.* Воспоминания офицера л.-гв. Преображенского полка о походе в Турцию в 1877–1878 г. // РС. 1898. Т. 94. № 4. С. 392.
- 181 *Путилов Н.Н.* Из дневника офицера за поход 1877–78 годов // СВР. Т. 4. С. 5.
- 182 Там же. С. 6.
- 183 *Немирович-Данченко В.И.* Год войны... Т. 2. С. 122.
- 184 *Гудим-Левкович П.М.* Записки П.М. Гудим-Левковича о войне 1877–78 года // РС. 1905. Т. 124. № 12. С. 556.
- 185 СМ. Вып. 3. С. 160.
- 186 *Скалон Д.А.* Мои воспоминания. С. 310.
- 187 *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 129. № 3. С. 589.
- 188 СМ. Вып. 3. С. 158–159.
- 189 *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 9.
- 190 СМ. Вып. 3. С. 168–169.
- 191 Там же. С. 169.
- 192 *Паренсов П.* Из прошлого. Ч. 2. С. 142.
- 193 *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста. С. 37–38.
- 194 СМ. Вып. 43. С. 206–207.
- 195 *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 132. № 11. С. 323.
- 196 СМ. Вып. 46. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1904. С. 282.
- 197 Описание русско-турецкой войны... Т. 6. С. 76.
- 198 СМ. Вып. 43. С. 34; Вып. 3. С. 169–170.
- 199 *Мартынов Е.* Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: издал В. Березовский, 1900. С. 47.
- 200 СМ. Вып. 3. С. 173.
- 201 СМ. Вып. 20. С. 293.
- 202 СМ. Вып. 3. С. 174–175.
- 203 СМ. Вып. 20. С. 17.
- 204 СМ. Вып. 2. С. 395.
- 205 *Мартынов Е.* Блокада Плевны. С. 48.

- ²⁰⁶ *Зотов П.Д.* Война за независимость славян // РС. 1907. Т. 129. № 3. С. 591.
- ²⁰⁷ *Вакареску Т.* Участие румын в кампании... // ВС. 1889. Т. 188. № 7. С. 44–45.
- ²⁰⁸ Румыния в войне за независимость. С. 203–206.
- ²⁰⁹ См., напр.: *Мартынов Е.* Блокада Плевны. С. 47–48.
- ²¹⁰ *Гудим-Левкович П.М.* Записки... С. 561.
- ²¹¹ *Бранденбург Н.Е.* Из дневника артиллериста. С. 44.
- ²¹² *Куропаткин А.* Блокада Плевны // ВС. 1886. № 11. С. 8.
- ²¹³ Он же. Блокада Плевны // ВС. 1886. № 9. С. 27.
- ²¹⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. С. 236.